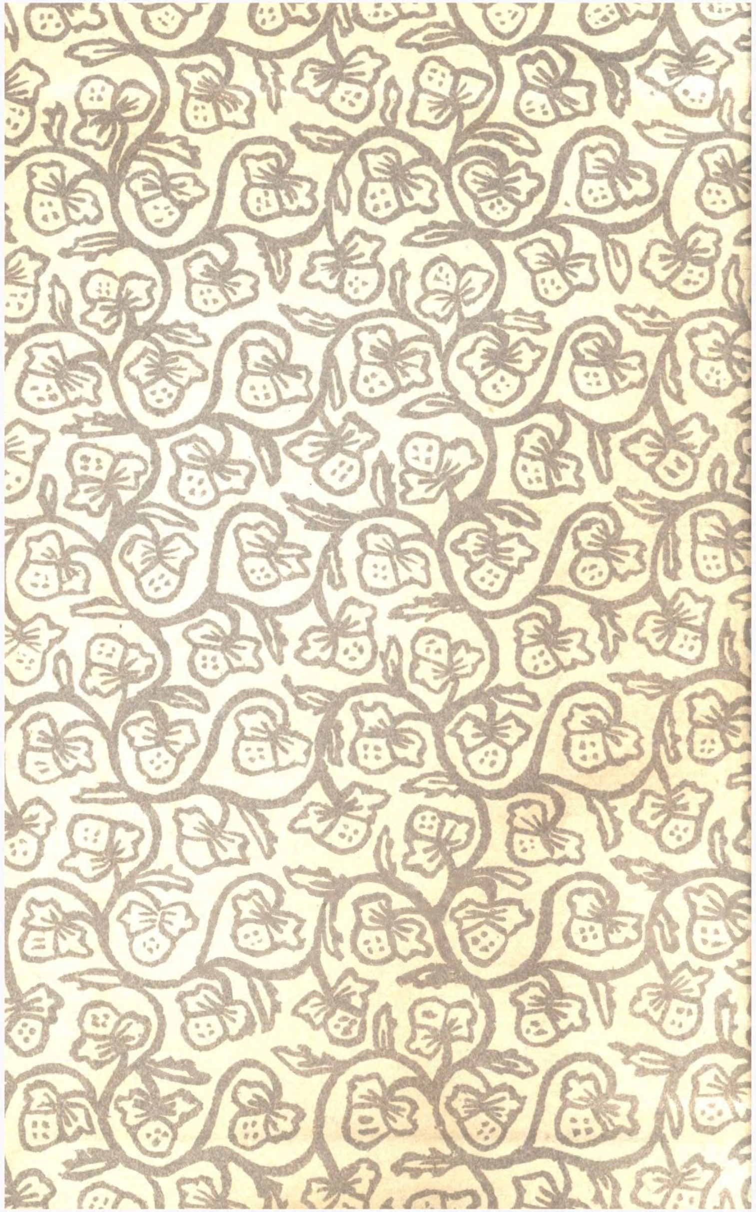
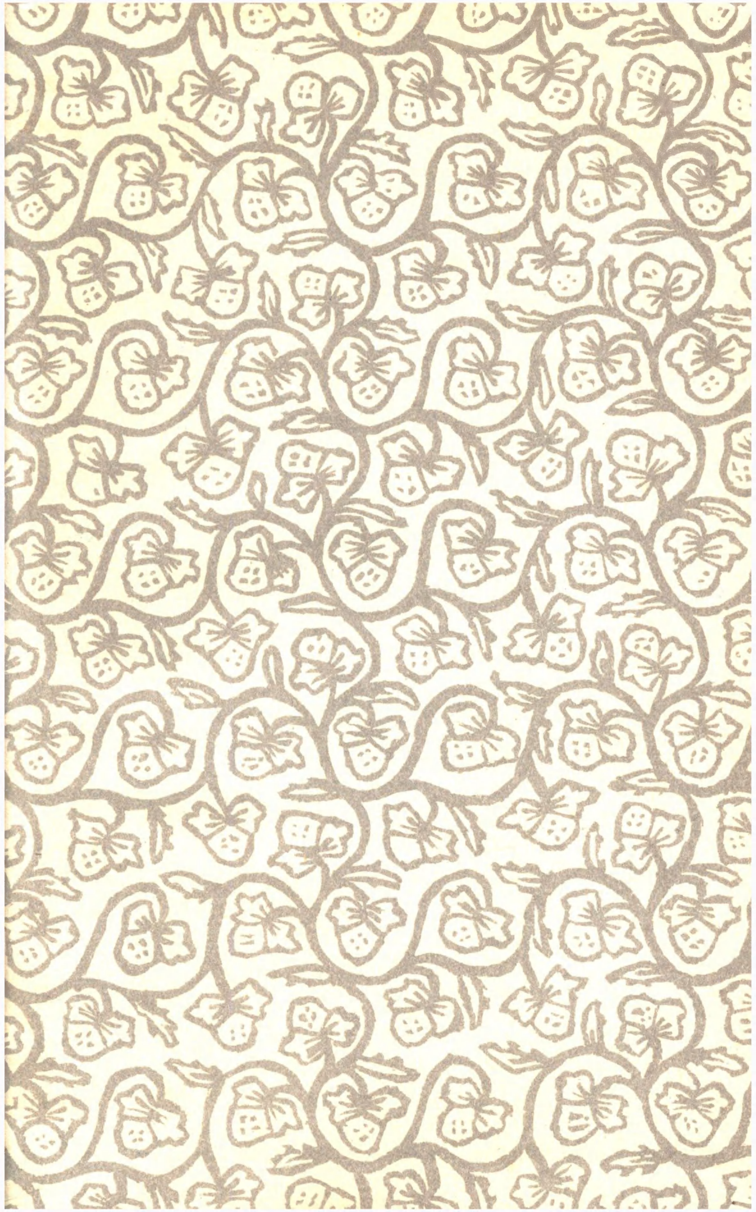

КОЛЬЦОВ

Родники поэзии

Алексей КОЛЬЦОВ

Стихотворения

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1981

Р1
К62

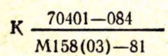
Тексты печатаются по изданию: А. В. Кольцов. Сочинения в двух томах. Том первый. Стихотворения. М., «Советская Россия», 1958.

Вступительная статья В. Бокова.

Примечания В. Тонкова.

Оформление и иллюстрации В. Сыскова.

К $\frac{70401-084}{М158(03)-81}$

НЕУМОЛКАЮЩАЯ ПЕСНЯ

Сто тридцать девять лет прошло с тех пор, как перестало биться сердце удивительного русского человека — поэта Алексея Кольцова.

То, что сделал он в русской поэзии, не устарело и по-прежнему волнует и возвышает душу «чистым золотом поэзии» (Белинский).

Кольцова ни с кем не спутаешь, он самобытен и по содержанию, и по форме, и по чисто кольцовской напевности:

Не скажу никому,
Отчего я весной
По полям и лугам
Не сбираю цветов.

Если бы даже не было музыки на эти стихи, все равно мы пели бы их про себя — так вольно дышится в них каждому слову, так хочется каждое слово спеть.

Кольцов родился в Воронеже. Детство и юность провел в степи. Уже в первых стихах он говорит об этом:

Жил в степях с коровами,
Грусть в лугах разгуливал,
По полям с лошадкою
Один горе мыкивал.
От дождя в шалашике
Находил убежище...

Поэтической школой и университетом Кольцова была воронежская степь, с ее раздольной народной песней, с ее народными типами и характерами. Именно там, под благодатным воздействием южных ночей, у чума-

цких возов, у костров, у походных котлов, в которых «спела каша степняка под песнь родную чумака», юношеская душа поэта запела сама!

Публикуя в 1831 году в «Литературной газете» стихотворение «Кольцо», Н. Станкевич сообщал о поэте: «Пишет часто дорогою, сидя верхом на лошади».

«А степь опять очаровала меня,— восхищался Кольцов в письме к Белинскому,— я черт знает до какого забвения любовался ею. Как она хороша показалась! И я с восторгом пел «Пора любви».

Свидетельство драгоценное! Из него мы узнаем о том, что Кольцов не только писал в степи, но и пел родным степям свои стихи!

Первый сборник стихов Кольцова вышел в Москве в 1835 году. Поэту было тогда двадцать шесть лет. В небольшую по объему книжку входило восемнадцать стихотворений; большинство из них были подражательными, но в этом же сборнике были и такие шедевры кольцовской лирики, как «Не шуми ты, рожь», «Песня пахаря», «Сельская пирушка».

Приветливо встретил Кольцова Пушкин, высоко оценил Белинский. В поэзию пришел большой поэт. «В его стихах впервые увидали мы чисто русского человека, с русской душой, с русскими чувствами, коротко знакомого с бытом народа, человека, жившего его жизнью и имевшего к ней полное сочувствие» (Добролюбов).

Никто не говорил о жизни и труде крестьянина так проникновенно и впечатляюще, как Кольцов. Самые обиходные крестьянские слова, соприкоснувшись с кольцовской музыкой, звучали как гимн радости, жизни, труду:

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!

Читая эти стихи, можно одновременно косить косой,— что ни строчка, то широкий прокос!

Кольцов умел чисто по-крестьянски радоваться сельскому труду:

Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.

Не будучи крестьянином, Кольцов глубоко проникся поэзией крестьянского труда и крестьянского быта. Если Есенин говорил: «Я последний поэт деревни»,— Кольцов с полным правом мог бы сказать: «Я первый!»

Недаром так нежно рисует образ поэта Алексея Кольцова Сергей Есенин:

По голубой долине,
Меж телок и коров,
Идет в златой ряднине
Твой Алексей Кольцов.
В руках — краюха хлеба,
Уста — вишневый сок,
И вызвездило небо
Пастушеский рожок.

В чем же секрет кольцовской поэзии? В жизненности, в демократичности и правдивости ее содержания, в удивительной лиричности и певучести стиха. Это не скопированная народная песня, а своя — кольцовская — манера.

Когда открываешь томик Кольцова, сердце сразу попадает в стихию поэзии — стихию крепкого, могучего, народного языка:

Я затеплю свечу
Воску ярого,
Распаяю кольцо
Друга милого.

Кольцов не боялся просторечия, он смело вводил в поэзию выразительные крестьянские слова:

У чужих людей
Горек белый хлеб,
Брага хмельная —
Неразымчива!

Откуда это слово — «неразымчива»? Его можно встретить в народной песне, которую поют под Воронежем:

За речкою диво:
Варил чернец пиво,
Чернецкое пиво
Разымчиво было.

Кольцов следовал за Пушкиным, который обогащал поэтический словарь народными словами.

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась...

«Вечор» есть в песне «Я вечор, млада, во пиру была...».

Природа одарила Кольцова вдохновенным, любящим сердцем. Это сердце пело. Пело при радости. Пело при печали.

Он так определял свою позицию в жизни и искусстве: «...действительность — грязная земля, груба и тяжела, и горе, кто враждует с нею, и счастлив, кто победит ее, и умер тот, кто уступит ей. Давно я начал этот бой...»

Жажда молодецкого подвига, воли, свободы — один из любимых мотивов творчества Алексея Кольцова.

Долго ль буду я
Сиднем дома жить,
Мою молодость
Ни на что губить?..
Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Все заказаны?

Его косари и добры молодцы исполнены силы, удали, готовности постоять за себя и за свое место под солнцем, им нипочем никакие трудности, никакие преграды. Если у Кольцова кто полюбил, так полюбил безудержно:

Что ему дорога,
Тучи громовые,
Как придут по сердцу
Очи голубые!

Кольцов ценил в человеке самообладание, достоинство, умение держать себя при встрече с любой бедой и горем.

И чтоб с горем, в пиру,
Быть с веселым лицом:
На погибель идти —
Песни петь соловьем!

Кольцов любил человека и говорил о нем:

В эту глыбу
Земляную
Сила неба
Жизнь вложила...

Сам он был такой земляной глыбой — песенным Антеем! Он славил в своих стихах красоту жизни, красоту труда, красоту любви. Это тем поразительней, что жилось ему нелегко. Родители разлучили с крепостной девушкой, которую он любил первой любовью; отец лишил материальной поддержки; воронежские торгаши травили поэта. «Тесен мой круг, грязен мой мир, горько жить мне в нем,— писал Кольцов Белинскому,— и я не знаю, как я еще не потерялся в нем... судебные дела, услуги, прислуги, угождения, посещения, счеты, расчеты, брани, ссоры. И как я еще пишу?» Это о себе не пел, а кричал поэт:

Так и рвется душа
Из груди молодой!
Хочет воли она,
Просит жизни другой!

Он рвался из мира, который его окружал, и понимал, что «пути ему все заказаны». Трезво, с редким самообладанием человека, знающего всю жестокость жизни, писал он Белинскому: «Ехать в Питер — он [1] не даст ни гроша. Ну, положим, я найдусь приехать: у меня есть вещей рублей на триста; этого достаточно. Но приехавши туда, что я буду делать? Наняться в приказчики? не могу; от себя заниматься? — не на что. Положить надежды на мои стишонки: что за них дадут! И что буду за них получать в год — пустяки: на сапоги, на чай, и только... Писать в прозе не умею, а мне тридцать три года. Вот мое положение».

Жизнь его оборвалась на тридцать четвертом году. Он много бы еще мог сделать. Но и то, что он сделал в поэзии, стало нашей гордостью, и пусть ушли в историю нарисованные им типы косарей, жниц, пахарей — поэзия его живет.

Кольцовская напевность захватила даже такого разговорного, трибунного поэта, как Маяковский. Его крылатые строки:

Лет до ста расти
Нам без старости,
Год от года расти
Нашей бодрости...—

---

[1] Отец Кольцова.

написаны явно в ладу кольцовских песенных строк:

Красным полымем
Заря вспыхнула.
По лицу земли
Туман стелется.

В кольцовском ключе писал поэму «Песнь о великом походе» Есенин:

В берег бьет волна
Пенной индевью,
Корабли плывут
Будто в Индию.

Даже народная припевка «Семеновна» и та создавалась под властным влиянием Кольцова:

Ай, Семен, Семен,
Ты, как луг, зелен,
Ай, Семеновна,
Трава зеленая!

А вслушайтесь-ка в кольцовские строки из стихотворения «Пора любви»:

Весною степь зеленая
Цветами вся разубрана,
Вся птичками летучими —
Певучими полным-полна...

Кого это напоминает? Поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Некрасов издавал стихи Кольцова, хорошо знал их,— уж не Алексей ли Кольцов подсказал ему распев поэмы? Как знать!

Стихи Кольцова не устарели, жар души поэта не остыл. Его удивительная музыкальность, лиричность, страстность, правдивость, искренность учат нас и теперь любить родную землю, любить людей.

Поэзия, как определил лицейский товарищ Пушкина — Кюхельбекер,— парение. Парение и порыв, умение взмыть на восходящих токах народной жизни.

Кольцову было знакомо и то и другое.

За что ему низкий-низкий земной поклон и любовь.

Виктор Боков

Ровеснику

О чем, ровесник молодой,
Горюешь и вздыхаешь?
О чем серебряной струей
Ты слезы проливаешь?
О чем бессменная печаль
И частые стенанья?
Страшна ли жизни темна даль
И с юностью прощанье?
Или нежданная беда
Явилась и сразила?
Житейская ль тебя нужда
Так рано посетила?
Иль сердца тайная любовь
Раскрыла в нем желанья,
И юным пламенем вся кровь
Зажглась без642 упованья?
Я вижу думу на челе,
Без слов, без выраженья;
Но есть во взорах, как в стекле,
Востока отраженье —
Заметное волненье:
Ах, то любовь, любовь!.. Она
В твоей душе играет;
Она, в пиру, на ложе сна,

Покой твой разрушает.
Я отгадал. Дай руку мне!
Ты не один, кипя душою,
Горишь и гаснешь в тишине:
Прошу тебя, будь друг со мною.

Песня

Если встречусь с тобой
Иль увижу тебя,—
Что за трепет, за огнь
Разольется в груди.

Если взглянешь, душа,—
Я горю и дрожу,
И бесчувствен и нем
Пред тобою стою!

Если молвишь мне что́,
Я на речи твои,
На приветы твои
Что́ сказать, не сыщу.

А лобзаньям твоим,
И восторгам живым
На земле, у людей,
Выраженья нет!

Дева — радость души,
Это жизнь — мы живем!
Не хочу я другой
Жизни в жизни моей!

Путник

Сгустились тучи, ветер веет,
Трава пустынная шумит;
Как черный полог, ночь висит,
И даль пространная чернеет;
Лишь там, в дали степи обширной,
Как тайный луч звезды призывной,
Зажжен случайною рукой,
Горит огонь во тьме ночной.
Унылый путник, запоздалый,
Один среди глухих степей,
Плетусь к ночлегу; на своей
Клячонке тощей и усталой
Держу я путь к тому огню;
Ему я рад, как счастья дню.
И кто так пристально, средь ночи,
Вперял на деву страстны очи,
Кто, не смыкая зорких глаз,
Кто так стерег условный час,
Как я, с походною торбою,
Трясясь на кляче чуть живой,
Встречал огонь во тьме ночной?
То наш очаг горит звездою,
То спеет каша степняка
Под песнь родную чумака!..

Осень

Настала осень; непогоды
Несутся в тучах от морей;
Угрюмеет лицо природы,
Невесел вид нагих полей;
Леса оделись синей тьмою,
Туман гуляет над землею
И омрачает свет очей.
Все умирает, охладело;
Пространство дали почернело;
Нахмурил брови белый день;
Дожди бессменные полились;
К людям в соседки поселились
Тоска и сон, хандра и лень.
Так точно немочь старца скучна;
Так точно тоже для меня
Всегда водя́на и докучна
Глупца пустая болтовня.

23 ноября 1828

Размолвка

Теперь ясней
Уж вижу я,
Что огнь любви
Давно потух
В груди твоей.
Но что виной,
Могу ли знать?
Бывало, ты —
Сестра и друг;
Бывало, ты —
Совсем не та!

А нынче — грех
И вымолвить,
Как ты со мной
Суха, дика
И сумрачна!
Незваный гость,
Долой с двора!
Немилый друг,
Не знай меня!
Ах, рад не рад —
Пришлось и мне
Сказать с слезой:
Прости, прощай,
Любезный друг
И недруг мой!

Спящему младенцу

О, всеблагое провиденье,
Храни его успокоенье!

Еще не знает он, что́ скука,
Что́ беспредельная любовь,
И как тяжка любви разлука,
И как хладеет в сердце кровь;
Не знает жизненной заботы,
Тяжелых снов и страшных бед,
И мира гибельных сует,
И дней безжизненной дремоты,
Коварства света и людей,
Надежд, желаний и страстей.
Теперь он резвится, играет,
Незрелый ум мечтой питает.
Во сне испуг его не будит,

Нужда до солнца встать не нудит,
Печаль у ложа не стоит:
Священным сном невинность спит...
Но эти дни, как тень, проходят,
Прекрасный мир с собой уводят...

О, всеблагое провиденье,
Храни его успокоенье!

Прекрасной поселянке

Ах, чья ты, дева-красота?
Твои уста, твои ланиты
Такою прелестью покрыты!
И в ком чудесная мечта
Груди б младой не взволновала,
Когда б ты на скале крутой,
Одна, над бездною морской,
Как дева Пушкина, стояла —
Под белой дымкой покрывала?..
И вкруг тебя одеждой снежной
Зефир приветливо б играл;
По сгибу плеч, по шее нежной
Свитые кудри развивал?..
Когда б, качаяся, дремало
Перо на шляпке голубой;
И грудь лебяжая вздыхала
Любовью девственной, святой?..
Тогда б, в сердечном упоенье,
Склонив колена пред тобой,
В немом и сладостном забвенье,
В избытке чувства, в исступленье,
Сгорел бы весь, как огнь степной!..

Ночлег чумаков

Вблизи дороги столбовой
Ночует табор кочевой
Сынов Украины привольной.
В степи и пасмурно и тёмно:
Ни звезд блестящих, ни луны
На небе нет; и тишины
Ночной ничто не нарушает;
Порой проезжий лишь играет,
И колокольчик почтовой,
Звеня над тройкой удалой,
На миг молчанье прерывает.
Между возов огонь горит;
На тагане котел висит;
Чумак раздетый, бородатый,
Поджавшись на ногах, сидит
И кашу с салом кипятит.
За табором невдалеке
Волы усталые пасутся;
Они никем не стерегутся.
Беспечно пред огнем в кружке
Хохлы чумазые, седые,
С усами хлопцы молодые,
Простершись на траве, лежат
И вдаль невесело глядят.
Чем чумаков прогнать дремоту?
Давно ль утратили охоту
Они петь песни старины?
Чем ныне так развлечены?
Бывало, часто, ночью темной,
Я с ними время разделял
И, помню, песням их внимал
С какой-то радостью невольной...
Но вот во тьме игра свирели,
Вот тихо под свирель запели

Они про жизнь своих дедов,
Украйны вольныя сынов...
И как те песни сердцу милы,
Как выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны!..

Я был у ней

Я был у ней, она сказала:
«Люблю тебя, мой милый друг!»
Но эту тайну от подруг
Хранить мне строго завещала.

Я был у ней; на прелесть злата
Клялась меня не променять;
Ко мне лишь страстию пылать,
Меня любить, любить, как брата.

Я был у ней; я с уст прелестной
Счастливое забвенье пил
И все земное позабыл
У девичьей груди прелестной.

Я был у ней; я вечно буду
С ее душой душою жить;
Пускай она мне изменит —
Но я изменником не буду.

7 января 1829

Плач

На что мне, боже сильный,
Дал смысл и бытие,
Когда в стране изгнанья
Любви и братства нет.
Когда в ней вихри, бури
И веют и шумят,
И черные туманы
Скрывают правды свет.
Я думал: в мире люди
Как ангелы живут;
Я думал: в тайных мыслях
Один у них закон —
К тебе, царю небесный,
Любовью пламенеть
И ближним неимущим
Без ропота души
Последнюю копейку,
Как братьям, уделять.
А люди — те же звери:
И холодны и злы;
Мишурное величье —
Молебный их кумир,
И золото и низость —
Защитник их и бог.
И ты, отец небесный,
Не престаешь вседневно
Щедроты лить на них.
О, просвети мне мысли,
Нерадостны они,
И мудрости светильник
Зажги в моей душе.

Январь 1829

Ответ на вопрос о моей жизни

Вся жизнь моя — как сине море:
С ветрами буйными в раздоре —
Бушует, пенится, кипит,
Волнами плещет и шумит.
Уступят ветры — и оно
Сравняется, как полотно.
Иной порою в дни ненастья
Все в мире душу тяготит;
Порою улыбнется счастье,
Ответно жизнь заговорит;
Со всех сторон печаль порою
Нависнет тучей надо мною,
И, словно черная волна,
Душа в то время холодна;
То мигом ясная година
Опять настанет — и душа
Пьет радость, радостью дыша!
Ей снова все тогда прекрасно,
Тепло, спокойно, живо, ясно,
Как вод волшебное стекло,—
И горя будто не было́...

17 марта 1829

Приди ко мне

Приди ко мне, когда зефир
Колышет рощами лениво,
Когда и луг и степь — весь мир
Оденется в покров сонливый.

Приди ко мне, когда луна
Из облак в облака ныряет,
Иль с неба чистого она
Так пышно воды озлащает.

Приди ко мне, когда весь я
В любовны думы погружаюсь,
Когда, красавица, тебя
Нетерпеливо дожидаюсь.

Приди ко мне, когда любовь
Восторги пылкие рождает,
Когда моя младая кровь
Кипит, волнуется, играет.

Приди ко мне: вдвойне с тобой
Хочу я жизнью наслаждаться,
Хочу к твоей груди младой
Со всею страстию прижаться...

К подруге моей юности

Зачем ты, дева, не желаешь
Со мною быть наедине?
Скажи, скажи: зачем при мне
Ты так робеешь, так скучаешь?
Ужель со мной опасно быть?
Ужель тебе кажусь я страшен?
О, верь мне, верь: я не опасен!
Я весь перед тобой открыт,
И в сердце лишь любовь горит.
Ты помнишь, друг мой, с юных лет
С тобою мы росли, резвились,
И что на мысли ни придет,

Мы всем доверчиво делились.
А нынь, не знаю почему,
Меня ты, дева, презираешь
И средь людей и одному
Невинных чувств не доверяешь.
Оставь, красавица, свой стыд,
Не будь ко мне ты равнодушна;
Будь так, как прежде, простодушна;
Как прежде, будем братски жить.

25 октября 1829

Песня

Очи, очи голубые,
Мне вас боле не встречать!
Девы, девы молодые,
Вам меня уж не ласкать!

Побывали, унеслися
Дни моей златой весны;
В сердце опытном слилися
Лишь отзывы старины.

Ах, на что же оживили
Предо мной мои мечты —
Сердцу сладостные были,
Ласки юной красоты?

Мне ль приветливым казаться,
С хладным сердцем вновь любить?
Мне ль надеждой обольщаться?
Беспробудно друг мой спит...

12 ноября 1829

Песня

Увижу ль я девушку,
Увижу ль я красную,
Забьется неволею
Сердечко удалое —
Любовию чистою.

«Полюбишь ли, девушка,
Полюбишь ли, красная,
Без модной учтивости
Любовию верною
Удалого молодца?

Ах, что же ты, девушка,
Ах, что же ты, красная,
Стыдишься? Аль, милая,
Любить не намерена
Удалого молодца?» —

«Любила б я молодца,
Любила б удалого;
Но мне ли, сироточке,
Бескровной и бедненькой,
Ласкаться любовию?» —

«Желаю ль я, девушка,
Желаю ль я, красная,
Палат раззолоченных,
Богатством украшенных
И блеском обманчивых?

Люблю тебя, милую,
Люблю тебя, юную,
За характер добренький,
За стыдливость детскую,
Всем девицам сродную».

16 ноября 1829

Терем

Там, где терем тот стоит,
Я люблю всегда ходить
Ночью тихой, ночью ясной,
В благовонный май прекрасный!

Чем же терем этот мил?
Чем меня он так пленил?
Он не пышный, он не новый,
Он бревенчатый — дубовый!

Ах, в том тереме простом
Есть с раскрашенным окном
Разубранная светлица:
В ней живет душа-девица.

Как-то встретился я с ней —
Не свожу с тех пор очей;
Красна ж девица не знает,
По ком грудь моя вздыхает.

Разрывайся, грудь моя!
Буду суженым не я:
Тот богатый; я без хаты —
Целый мир мои палаты!

Вещун-сердце говорит:
Жить тебе, детинке, жить
Не с женою молодою —
С чужой-дальней стороною...

16 ноября 1829

Люди добрые, скажите

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Где мой милый? Вы молчите!
Злую ль тайну вы храните?

За далекими ль горами
Он живет один, тоскуя?
За степями ль, за морями
Счастлив с новыми друзьями?

Вспоминает ли порою:
Чья любовь к нему до гроба?
Иль, забыв меня, с другою
Связан клятвой вековою?

Иль уж ранняя могила
Приняла его в объятья?
Чья ж слеза ее кропила?
Чья душа о нем грустила?

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Где мой милый? Вы молчите!
Злую тайну вы храните!

21 ноября 1829

***

По-над Доном сад цветет,
Во саду дорожка.
На нее б я все глядел,
Сидя, из окошка...

Там с кувшином за водой
Маша проходила,
Томный взор потупив свой,
Со мной говорила.

«Маша, Маша! — молвил я,—
Будь моей сестрою!
Я люблю... любим ли я,
Милая, тобою?»

Не забыть мне никогда,
Как она глядела!
Как с улыбкою любви
Весело краснела!

Не забыть мне, как она
Сладко отвечала,
Из кувшина, в забытьи,
Воду проливала...

Сплю и вижу все ее
Платье голубое,
Страстный взгляд, косы кольцо,
Лентой перевитое.

Сладкий миг мой, возвратись!
С Доном я прощаюсь...
Ах, нигде уж, никогда
С ней не повстречаюсь!..

Разуверение

Да! жизнь не то, что говорили
Мои мне книги и мечты;
Ее недаром заклеймили
Печатью зла и суеты.
Сначала искренне встречая
И утро дня благословляя,
Я в мире все благословлял...
Дитя! я ласки расточал,
Я простирал мои объятья
Ко всем с любовию,— как братьям!
Пришла пора — узнал и я,
Но уж не то, что прежде снилось,
Чем сердце юное пленилось,
О чем так сладко думал я...
Узнал родных, к родству холодных;
В друзьях — предателей притворных;
В толпах людей — толпы невежд;
Обманчивость земных надежд;
В обетах — лживые обманы;
В невинном взгляде — хитрый взор;
В умах возвышенных — туманы,
Надутой глупости позор...
Бог с ними! Я страну земную
С упреком тайным разлюбил;
Душой постигнул жизнь другую,
В ту жизнь мечты переселил:
И странствую без дальних нужд,
Земли жилец, земного чужд.

***

Не мне внимать напев волшебный
В тенистой роще соловья;
Мне грустен листьев шум прибрежный
И говор светлого ручья.

Прошла пора! но в дни былые
Я слушал Филомелы глас;
Тогда-то в сумерки густые
Веселья огнь во мне не гас.

Тогда с Анютой милой, нежной
Часов полета не видал;
Тогда, надеждой обольщенный,
Я праздник жизни пировал.

Теперь же, о друзья! со мною
Анюты скромной боле нет...
С другим она... и я с тоскою
Встречаю дня огнистый свет.

Так мне ль внимать напев волшебный
В тенистой роще соловья?
Мне грустен листьев шум прибрежный
И говор светлого ручья...

Песнь русалки

Давайте, подруги,
Веселой толпой
Мы выйдем сегодня
На берег крутой;

И песнею громкой
Луга огласим,
Леса молчаливы
И даль усыпим.

Нарвем мы цветочков,
Венки мы сплетем,
Любимую песню
Царицы споем;

А с утром, подруги,
Одна за другой
Сокроемся в волны
Падучей звездой.

Повесть моей любви

Посвящаю воронежским девушкам

Красавицы-девушки,
Одноземки-душеньки,
Вам хочу я, милые,
На досуге кое-как
Исповедать таинство,
Таинство чудесное.
И у нас в Воронеже
Никому до этих пор
Не хотел открыть его;
Но для вас, для вас одних
Я его поведаю,
И так, как по грамотке,
Как хитрец по карточкам,
Расскажу по-дружески
Повесть о самом себе.

Скучно и нерадостно
Я провел век юности:
В суетных занятиях
Не видал я красных дней.
Жил в степях с коровами,
Грусть в лугах разгуливал,
По полям с лошадкою
Один горе мыкивал.
От дождя в шалашике
Находил убежище,
Дикарем, степникою
Я в Воронеж езживал
За харчами, деньгами,
Чаще — за отцовскими
Мудрыми советами.
И в таких занятиях
Мне пробило двадцать лет.
Но, клянусь вам совестью,
Я еще не знал любви.
В городах все девушки
Как-то мне не нравились,
В слободах, в селениях
Всеми брезгал-гребовал.
Раз один, в Воронеже,
Где, не помню, встретилась
Со мной одна девушка.
Смазливеньким личиком,
Умильными глазками,
Осанкою, поступью,
Речью лебединою
Вспламенила молодца.
Вдруг сердечко пылкое
Зажглось, раскалилося,
Забилось и искрами
По груди запрядало.
Я тогда не в силах был

Удержать порыв страстей —
И в ее объятиях
Уснул очарованный,
Упившись любовию;
И с тех пор той девушки
Стал я вечным пленником.
Кто ж она? вы спросите,
Одноземки милые,
Не скажу... но если вы
По весельям ездите,
На гульбах бываете,
Там, поверьте мне,
Вы ее увидите:
Всех скромней, красивее,
Всех простей и ласковей,
Откровенней, радостней.

Письмо к Д. А. Кашкину

Давно, за пустотой бессрочной,
К тебе я, милый, не писал
И в тихий край земли полночной
Докучных строк не посылал;
Давно на лире я для друга,
В часы свободы и досуга,
Сердечных чувств не изливал.
Теперь, освободясь душою
От беспрерывных бурь мирских
И от забот и дел моих,
Хочу порадовать игрою
Тебя, о милый друг! И ты,
В замену хладной пустоты,
С улыбкой, дружеству пристойной,
Глас лиры тихой и нестройной

Прочтешь и скажешь про себя:
«Его трудов — виновник я!»
Так точно, друг, мечты младые,
И незавидливый фиал,
И чувств волненье ты впервые
Во мне, как ангел, разгадал.
Ты, помнишь, раз сказал: «Рассей
С души туман непросвещенья
И на крылах воображенья
Лети к Парнасу поскорей!»
Совету милого послушный,
Я дух изящностью питал,
Потом, с подругою воздушной,
Нашедши лиру, петь начал;
Потом в час лени молчаливой
Я рано полюбил покой,
Приют избушки некрасивой
И разноцветный садик мой,
Где я свободой упиваюсь
Иль славой гибельной горю,
Где долго в думы погружаюсь.
И, друг, тебя благодарю
За те нельстивые советы,
Какими хвалятся поэты.

5 декабря 1829

Сестре

При посылке ей моих песен

Сестра! вот были чудных снов,
Вот звуки самодельной лиры,
Мои мечты, мои кумиры,
Моя душа, моя любовь!
Сестра, земная жизнь — мгновенье,

Судьбы ж кто знает назначенье?
Быть может, раньше я других
Не окажусь в семье живых.
Пройдет год-два,— за суетою,
За лживой радостью мирскою
Забудешь ты меня; но вмиг
Когда-нибудь прочтешь мой стих,
Вспомянешь брата — и вздохнешь,
И сладких слез поток прольешь.

11 декабря 1829

***

Пишу не для мгновенной славы:
Для развлеченья, для забавы,
Для милых, искренних друзей,
Для памяти минувших дней.

14 декабря 1829

А. П. Сребрянскому

Не посуди: чем я богат,
Последним поделиться рад;
Вот мой досуг; в нем ум твой строгой
Найдет ошибок слишком много;
Здесь каждый стих — чай, грешный бред.
Что ж делать! я такой поэт,
Что на Руси смешнее нет!
Но не щади ты недостатки,
Заметь, что требует поправки...
Когда б свобода, время, чин,
Когда б, примерно, господин
Я был такой, чтоб только с трубкой

Сидеть день целый и зевать,
Роскошно жить, беспечно спать,—
Тогда, клянусь тебе, не шуткой
Я б вышел в люди, вышел в свет.
Теперь я сам собой поэт.
Теперь мой гений... но довольно!
Душа грустит моя невольно.
Я чувствую, мой милый друг,—
С издетских лет какой-то дух
Владеет ею не напрасно!
Нет! я недаром сладострастно
Люблю богиню красоты,
Уединенье и мечты!

Последние стихи

Пускай с насмешкою холодной
За скудный труд ругает свет;
Скажу с улыбкой благородной:
Я мещанин, а не поэт.

Январь 1830

Молодой чете

Сбылось, что вы желали тайно.
Сбылось! настал желанный час:
Любовь благословила вас,
И скоро перстень обручальный
На вашей ручке заблестит,
И пастырь вас соединит.
И жизнь счастливая польется,
Как серебристый ручеек
Через муравчатый лужок,
Журча, игривой струйкой вьется.
Судьба вас счастьем наградила,
И будет луч его светить
Весь век над ним и над тобой
Неизменимою звездой.

Но если вас — избави, боже! —
Когда день черный навестит,
Любовь все может усладить!
Любовь и дружба! ты дороже
Всего на свете, ты одна
В несчастьи, в счастии равна.
Надежды, радости земные,
Мгновенья жизни дорогие
Изменчивы для нас всегда;
Прямая ж дружба — никогда!

4 января 1830

***

О, не кажи улыбки страстной!
Не мучь надеждою напрасно;
Прошу, так нежно не гляди;
Со мной речей не заводи;
Будь больше недовольна,
Будь равнодушна, хладнокровна,
Как недруга, пренебрегай!
В беседах с злобою немою
Со мною встречи убегай.
Ах, ты неправдою такою
Меня, быть может, охладишь
И, к счастью, счастия лишишь!..

Апрель 1830

Песня

Утратив то, что было мило,
Напрасно вновь к себе зову;
Напрасно тень подруги милой
Хочу я видеть наяву.

Теперь с тобой одно свиданье
Какой ценою я б купил;
Я за твое существованье
Земною б жизнью заплатил!

За нежный поцелуй, за встречу,
За блеск приветливых очей,
За жар любви, за звук речей
Я б голову понес на сечу.

Но нет, вовек не возвратить,
Что было так душой любимо!
Вовек и тень с страны незримой
К призывам друга не слетит.

О, лейтесь, лейтесь же ручьями,
Горючи слезы, из очей!
Без ней нет жизни меж людями —
Нет сердцу радостей без ней.

Лебедянь
26 мая 1830

К другу

Развеселись, забудь, что было!
Чего уж нет — не будет вновь!
Все ль нам на свете изменило?
И все ль взяла с собой любовь?

Еще отрад у жизни много,
У ней мы снова погостим:
С одним развел нас опыт строгий,
Поладим, может быть, с другим!
И что мы в жизни потеряли,
У жизни снова мы найдем!
Что́ нам мгновенные печали?
Мы ль их с тобою не снесем?
Что́ грусть земли! ужель за гробом
Ни жизни, ни награды нет?
Ужели там, за синим сводом,
Ничтожество и тьма живет?
Ах, нет! кто мучится душою,
Кто в мире заживо умрет,
Тот там, за дальней синевою,
Награды верные найдет!
Не верь истления кумиру,
Не верь себе, не верь людям,
Не верь пророчащему миру,
Но веруй, веруй небесам!
И пусть меня людская злоба
Всего отрадного лишит,
Пусть с колыбели и до гроба
Лишь злом и мучит и страшит;
Пред ней душою не унижусь,
В мечтах не разуверюсь я;
Могильной тенью в прах низринусь,
Но скорби не отдам себя!..

11 июля 1830

К N...

Опять тоску, опять любовь
В моей душе ты заронила
И прежнее, былое вновь
Приветным взором оживила.
Ах! для чего мне пламенеть
Любовью сердца безнадежной!
Мой кроткий ангел, друг мой нежный,
Не мой удел тобой владеть!
Но я любим, любим тобою!
О, для чего же нам судьбою
Здесь не даны в удел благой,
Назло надменности людской,
Иль счастье, иль одна могила!
Ты жизнь моя, моя ты сила!..
Горю огнем любви святым,
Доверься ж, хоть на миг, моим
Объятиям! Я не нарушу
Священных клятв — их грудь хранит,
И верь, страдальческую душу
Преступное не тяготит...

19 июля 1830

Элегия

В твои объятья, гроб холодной,
Как к другу милому, лечу;
В твоей обители укромной
Сокрыться от людей хочу.
Скорее, смерть, сверкни косою
Над юною моей главою!
Немного лет я в мире жил...
И чем сей мир повеселил?

И кто с улыбкой мне отрадной
От сердца руку нежно жал?
Со мной кто радостью желанной
Делил веселье и печаль?
Никто! Но в сей стране пустынной
Один лишь был мне верен друг,
И тот, как песни звук отзывной,
Как огнь мгновенной, надмогильной,
На утренней заре потух.
Одна звезда мёня пленяла
Еще на небе голубом
И в черном сумраке густом
Надеждой тайной грудь питала;
Но скрылася она,— с тех пор
Приветных звезд не видит взор.
Без ней, как сирота безродной,
Влачусь один в толпе людей,
С душою мрачной и холодной,
Как нераскаянный злодей.
С людями, братьями моими,
Еще хотел я жизнь делить;
По-прежнему хотел меж ними
Я друга по сердцу найтить.
Но люди взорами немыми
С презреньем на меня глядят
И душу хладную мертвят.
К тебе от них, о гроб холодной,
Как к другу милому, лечу,
В твоей обители укромной
Покоя тихого ищу.
О, смерть! сомкни скорей мне вежды!
Верней загробные надежды.

30 июля 1830

Совет старца

Скучно с жизнью старческой,
Скучно, други, в мире жить;
Грустно среди пиршества
О могиле взгадывать
И с седою мудростью
К ней, наморщась, двигаться.
Поспешайте ж, юноши,
Наслаждаться жизнию!
Отпируйте в радости
Праздник вашей юности!
Много ль раз роскошная,
В год, весна является?
Много ль раз долинушку
Убирает зеленью?
Муравою бархатной,
Парчой раззолоченной?
Не одно ль мгновение
И весне и юности?

1 августа 1830

Вечер

Уж рощей лиственная сень
Росой коралльною дымится,
И чуть заметливая тень
На долы, на поля ложится;
Ленивый ветерок, порхая
И поминутно утихая,
Природу клонит в сладкий сон;
Уж с нею засыпает он.
Один я, в темной тишине,
Оставив свой семейный круг,

С раздумьем сердца в глубине
Иду на освеженный луг;
На нем я с новою отрадой
Дышу вечернею прохладой,
И, с новой радостью земной,
Веду беседы я с луной:
О смерти, вечности, о жизни,
О нашей будущей отчизне,
О наших будущих мирах
И преселенцах-мертвецах,
Которые, как мы, здесь жили
И дух горѐ переселили.
Ах, что на их там стороне?
Видна ли тайна назначений?
Что не постиг здесь гордый гений
То там постигнуто ль вполне?
О, для чего с земли судьбою
Живым в удел не дано нам
Туда к ним улетать душою!
Я б, с ними привитая там,
Учился б жить с самим собою;
Но я веригою земной,
Как цепию невольник злой,
Надолго связан и окован,—
Мой дух неволей очарован
И дольным счастием прельщен.
В земных он таинствах теряясь
И для небесных омрачен,
Бескрыльной думой окрыляясь,
Туда напрасно рвется он...
Луна! ты житель горних стран,
Ты беспредельный океан
Без утомленья протекаешь;
Луна! быть может, ты бываешь
И в тех странах,— поведай мне
О тайнах их... Но в тишине

Ты, ход урочный совершая
И молчаливо озаряя
Кладбище смерти, крест и гроб
И отдаленный неба свод,
Лишь светишь нам, как все те звезды,
В знак доброй для людей надежды.

Старобельск
20 августа 1830

Земное счастье

Не тот счастлив, кто кучи злата
Сбирает жадною рукой
И — за корысть — родного брата
Тревожит радостный покой;
Не тот, кто с буйными страстями
В кругу прелестниц век живет,
В пирах с ничтожными глупцами
Беседы глупые ведет
И с ними ценит лишь словами
Святую истину, добро,
А нажитое серебро
Хранит, не дремля, под замками.
Не тот счастлив, не тот, кто давит
Народ мучительным ярмом
И кто свое величье ставит
На полразрушенном другом!
Он пренебрег земли законы,—
Он, презирая вопль и стоны,
И бедной, горестной мольбе
Смеется вперекор судьбе!..
Он бога гнев, он кары неба
Считает за ничтожный страх;
Суму, кусок последний хлеба
Отнял у ближнего — и прав!

Не он! — Но только тот блажен,
Но тот счастлив и тот почтен,
Кого природа одарила
Душой, и чувством, и умом,
Кого фортуна наградила
Любовью — истинным добром.
Всегда пред богом он с слезою
Молитвы чистые творит,
Доволен жизнию земною,
Закон небес боготворит,
Открытой грудию стоит
Пред казнью, злобою людскою,
И за царя, за отчий кров
Собой пожертвовать готов.
Он, и немногое имея,
Всегда делиться рад душой;
На помощь бедных, не жалея,
Все щедрой раздает рукой!

Старобельск
20 августа 1830

Первая любовь

Что душу в юности пленило,
    Что сердце в первый раз
Так пламенно, так нежно полюбило —
    И полюбило не на час,
То все я силюся предать забвенью
И сердцу пылкому и страстному томленью
    Хочу другую цель найтить,
    Хочу другое так же полюбить!
Напрасно все; тень прежней милой
    Нельзя забыть!
Уснешь — непостижимой силой
    Она тихонько к ложу льнет,

Печально руку мне дает,
И сладкою мечтой вновь сердце очарует,
И очи томные к моим очам прикует!..
    И вновь любви приветный глас
    Я внемлю страждущей душою...
    Когда ж ударит час
Забвенья о тебе иль вечности с тобою?..

Близ Мур-могилы
21 августа 1830

Мука

Осиротелый и унылый,
Ищу подруги в свете милой,
Ищу — и всем «люблю» твержу,—
Любви ж ни в ком не нахожу.
На что ж природа нам дала
И прелести и розы мая?
На что рука твоя святая
Им сердце гордым создала?
Ужель на то, чтоб в первый раз
Пленить любовию священной,
Потом упорностью надменной
Сушить и мучить вечно нас?
Ужель на то, чтоб радость рая
В их взоре видя на земли,
Мы наслаждаться не могли,
В любови муки познавая?..
Но ты, земная красота,
Не стоишь моего страданья!
Развейся ж, грешная мечта,
Проси от неба воздаянья.

Кирчинская слобода
27 августа 1830

Сирота

Когда мне шел двадцатый год,
Я жил звериной ловлей
И был укрыт от непогод
Родительскою кровлей.
Отец мой всех был богатей,
Всяк знался с нашей хатой,
Обширен был наш круг полей,
Был хлеб, был скот рогатый...
Моя богатая семья
Копейкой не нуждалась;
Такому счастию родня
С досадой улыбалась.
И кто б подумать прежде мог,
Что после с нами стало:
Прогневался на грешных бог —
Что было, все пропало.
Два года не рожался хлеб,
Иссохнула долина,
Утратилась скотина,—
Нужда на двор — и денег нет!
Травою заросло гумно,
Кошары опустели,
С последним нищим заодно
И в праздник мы говели.
Еще б мой жребий сносен был,
Но с бесталанной доли
Я всю семью похоронил...
От скорби и от боли
Без них для горького меня
И радости скончались;
Чуждалась бедного родня,
Соседи удалялись.
Пришлось с могилою родных
Навеки распроститься

И горевать среди чужих,
С пустой сумой пуститься.
И люди мирных деревень,
Живя без нужд, не знают,—
Что вся мне жизнь есть черный день,
Иль зная,— забывают.

Кокенское поле
4 сентября 1830

Кольцо

Песня

Я затеплю свечу
Воску ярого,
Распаяю кольцо
Друга милого.

Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаяй, растопи
Чисто золото.

Без него — для меня
Ты ненадобно;
Без него на руке —
Камень на сердце.

Что взгляну — то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горьким горем слез.

Возвратится ли он?
Или весточкой
Оживит ли меня,
Безутешную?

Нет надежды в душе...
Ты рассыпься же
Золотой слезой,
Память милого!

Невредимо, черно
На огне кольцо,
И звенит по столу
Память вечную.

20 сентября 1830

Крестьянская пирушка

Ворота тесовы
Растворилися,
На конях, на санях
Гости въехали;
Им хозяин с женой
Низко кланялись,
Со двора повели
В светлу горенку.
Перед спасом святым
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набранные,
На сосновых скамьях
Сели званые.
На столах кур, гусей
Много жареных,
Пирогов, ветчины
Блюда полные.

Бахромой, кисеей
Принаряжена,

Молодая жена,
Чернобровая,
Обходила подруг
С поцелуями,
Разносила гостям
Чашу *горького;*
Сам хозяин за ней
Брагой хмельною
Из ковшей вырезных
Ро́дных потчует;
А хозяйская дочь
Медом сыченым
Обносила кругом,
С лаской девичьей.
Гости пьют и едят,
Речи гуторят:
Про хлеба, про покос,
Про старинушку.
Как-то бог и господь
Хлеб уро́дит нам?
Как-то сено в степи
Будет зелено?
Гости пьют и едят,
Забавляются
От вечерней зари
До полуночи.
По селу петухи
Перекликнулись;
Призатих говор, шум
В темной горенке;
От ворот поворот
Виден по снегу.

21 сентября 1830

Песня старика

Оседлаю коня,
Коня быстрого,
Я помчусь, полечу
Легче сокола

Чрез поля, за моря,
В дальню сторону:
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь — и явлюсь
Прежним молодцем,
И приглянусь опять
Красным девицам!

Но, увы, нет дорог
К невозвратному!
Никогда не взойдет
Солнце с запада!

21 сентября 1830

Вздох
на могиле Веневитинова

Какие думы в глубине
Его души таились, зрели?
Когда б они сказалися вполне,
Кого б мы в нем, друзья, узрели?
Но он, наш северный поэт,
Как юный лебедь величавый,
Средь волн тоскуя, песню славы
Едва начал — и стих средь юных лет!

30 октября 1830

Веселый час

Дайте бокалы!
Дайте вина!
Радость — мгновенье,
Пейте до дна!
Громкие песни
Гряньте, друзья!
Пусть нас веселых
Видит заря!
Ныне пируем —
Юность на час,—
Нынче веселье,
Радость у нас!
Завтра что будет,
Знаю ль друзья?
Пусть нас веселых
Видит заря!
Шумно, разгульно
Пойте, друзья!
Лейте в бокалы
Больше вина!
Ну-те ж все разом
Выпьем до дна!
Пусть нас веселых
Видит заря!

Что значу я?

Что, крошка мелкая, я значу?
Живу, заботливо тружусь,
В желаньи счастья время трачу
И, вечно недовольный, плачу!
Чего ж ищу? к чему стремлюсь?

В какой стране, на что гожусь?
Есть люди: до смерти желают
Вопросы эти разгадать.
Но что до них! пусть как хотят
О всем серьезно рассуждают.
Я недоросль,— я не мудрец,
И мне нужнее знать немного;
Шероховатою дорогой
Иду шажком я, как слепец;
С смешным сойдусь ли — посмеюсь;
С прекрасным встречусь — им пленюсь;
С несчастным от души поплачу,—
И не стараюсь знать — что́ значу.

Утешение

Как жаль, что счастия звезда
На небе вашем закатилась!
Но разве горесть навсегда
С судьбою вашей породнилась?
Пройдет зима —настанет май.
Беда глупа — взведет на счастье.
Всяк провиденью доверяй:
Оно нас ценит без пристрастья.
Пусть, кто доволен здесь неправо
Или неправо кто гоним...
Земные радости — с отравой,
Отрава — с счастием земным.
Все постоянно лишь за морем,
И потому, что нас там нет;
А между тем кто минут горем?
Никто... таков уж белый свет!..

К реке Гайдари

Стою, зловещей думы полн,
При шепоте, при плеске волн...
Гайдарь! все теми ж ты волнами
Катишься вдаль, как и всегда,
Такими ж светлыми водами
Поишь людей, поишь стада:
И те ж в тебя глядятся горы
И моются корни лесов;
Все те ж кругом поля, озеры,
Все так же ночью вдоль брегов,
На лодке легкой и качливой,
Плывет веселый рыболов;
По влаге сонной, прихотливой
Кидает сеть он — и вперед
Веслом размашисто гребет,
И песнь Украйны, для забавы,
Без мыслей, без желаний славы,
Напевом прадеда поет!
Катись, Гайдарь, и пой водою
Брега, счастливые тобою!
Твой век тебе не изменил;
А я, старик, всю жизнь прожил...
Где ж вы, благие упованья,
Где ты, священный сердца жар?..
Катися, светлая Гайдарь,
Неси с собой мои стенанья!

Утешение

Внимай, мой друг, как здесь прелестно
Журчит серебряный ручей,
Как свищет соловей чудесно.

А ты — один в тоске своей.
Смотри: какой красой в пустыне
Цветы пестреются, цветут,
Льют ароматы по долине
И влагу рос прохладных пьют.
Вдали там тихо и приятно
Раскинулась березы тень,
И светит небосклон отрадно,
И тихо всходит божий день.
Там вешний резвый ветерок
Играет, плещется с водами,
Приветно шепчется с листами
И дарит ласками цветок.
Смотри: на разноцветном поле
Гостит у жизни рой детей
В беспечной радости на воле;
Лишь ты, мой друг, с тоской своей...
Развеселись!.. проснись душою
С проснувшейся для нас весною;
Хоть юность счастью посвятим!
Ах! долго ль в жизни мы гостим!..

Соловей

Подражание Пушкину

Пленившись розой, соловей
И день и ночь поет над ней;
Но роза молча песням внемлет,
Невинный сон ее объемлет...
На лире так певец иной
Поет для девы молодой;
Он страстью пламенной сгорает,
А дева милая не знает —
Кому поет он? отчего
Печальны песни так его?..

Песня пахаря

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной!
Выбелим железо
О сырую землю.

Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большого леса
Солнышко выходит.

Весело на пашне.
Ну! тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вею...
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зернышку сготовим
Колыбель святую.

Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;
Выйдет в поле травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдет в поле травка —
Вырастет и колос,
Станет спеть, рядиться
В золотые ткани.

Заблестит наш серп здесь,
Зазвенят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжелых!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

С тихою молитвой
Я вспашу, посею:
Уроди мне, боже,
Хлеб — мое богатство!

21 ноября 1831

***

Мой друг, мой ангел милый,
Тебя ли я с такою силой,
Так нежно, пламенно лобзал
И к нежной груди прижимал?
Или, в минуту исступленья,
В жару сердечного волненья,
Я обнимал одну мечту,
Твою рисуя красоту?
Как упоителен душе влюбленной
Живой твой взор полусмущенный,
Твой жгучий, страстный поцелуй! —
Приди же вновь! страдальца поцелуй!
Тобой любимым быть прекрасно!
Прекраснее — тебя любить!
Что муки мне? душою страстной
О милой сладко мне грустить!

Домик лесника

В темном лесе, за рекой,
Стоит домик небольшой,
С двумя светлыми окнами,
С распашными воротами.

Под замко́м те ворота,
И калитка заперта,—
Чтоб не вшел туда рогатый
Леший, страшный и косматый.

Чтоб не вшел туда упырь,
Ни приезжий богатырь.
Кто ж живет тут одиноко,
От жилья кругом далеко?..

Рыболов ли небогатый?
Иль разбойник бородатый
В нем спасается мольбой
С сундуками и казной?

Живет в доме с давних пор —
Караулит царский бор —
Лесной староста с женою,
С третьей дочкой молодою.

И для ней старик седой
Замыкает домик свой,—
Чтобы в каменны палаты
Не увез купец богатый;

Чтоб боярин окружной
Не прильнул бы к молодой
Безотвязной повиликой,—
Чтоб не быть ей горемыкой.

Песня

Ты не пой, соловей,
Под моим окном;
Улети в леса
Моей родины!

Полюби ты окно
Души-девицы...
Прощебечь нежно ей
Про мою тоску;

Ты скажи, как без ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Перед осенью.

Без нее, ночью, мне
Месяц сумрачен;
Среди дня без огня
Ходит солнышко.

Без нее кто меня
Примет ласково?

На чью грудь, отдохнуть,
Склоню голову?

Без нее на чью речь
Улыбнуся я?
Чья мне песнь, чей привет
Будет по сердцу?

Что ж поешь, соловей,
Под моим окном?
Улетай, улетай
К душе-девице!

Размышление поселянина

На восьмой десяток
Пять лет перегнулось,
Как одну я песню,
Песню молодую
Пою, запеваю
Старою погудкой;
Как одну я лямку
Тяну без подмоги!
Ровесникам детки
Давно помогают,
Только мне на свете
Перемены нету.
Сын пошел на службу,
А другой в могилу;
Две вдовы невестки;
У них детей кучи —
Все мал мала меньше;
За́дной головою
Ничего не знают,
Где пахать, что сеять,

Позабыли думать.
Богу, знать, угодно
Наказать под старость
Меня, горемыку,
Такой тяготою;
Сбыть с двора невесток,
Пустить сирот в люди! —
Старики на сходке
Про Кузьму что́ скажут?
Нет, мой згад, уж лучше,
Доколь мочь и сила,
Доколь душа в теле,
Буду я трудиться;
Кто у бога просит
Да работать любит,
Тому невидимо
Господь посылает.
Посмотришь: один я
Батрак и хозяин;
А живу чем хуже
Людей семьянистых?
Лиха беда, в землю
Кормилицу ржицу
Мужичку закинуть,
А там бог уродит,
Микола подсобит
Собрать хлебец с поля;
Так его достанет
Год семью пробавить,
Посбыть по́дать с шеи,
И нужды поправить,
И лишней копейкой
Божий праздник встретить.

Удалец

Мне ли, молодцу,
Разудалому,
Зиму-зимскую
Жить за печкою?

Мне ль поля пахать?
Мне ль траву косить?
Затоплять овин?
Молотить овес?

Мне поля — не друг,
Коса — мачеха,
Люди добрые —
Не соседи мне.

Если б молодцу
Ночь да добрый конь,
Да булатный нож,
Да темны́ леса!

Снаряжу коня,
Наточу булат,
Затяну чекмень,
Полечу в леса!

Стану в тех лесах
Вольной волей жить,
Удалой башкой
В околотке слыть.

С кем дорогою
Сойдусь, съедусь ли —
Всякий молодцу
Шапку до земли!

Оберу купца,
Убью барина,
Мужика-глупца
За железный грош!

Но не грех ли мне
Будет от бога —
Обижать людей
За их доброе?

В церкви поп Иван
Миру гу́торит,
Что душой за кровь
Злодей платится...

Лучше ж воином,
За царев закон,
За крещеный мир
Сложить голову!..

Великая тайна
Дума

Тучи носят воду,
Вода поит землю,
Земля плод приносит;
Бездна звезд на небе,
Бездна жизни в мире;
То мрачна, то светла
Чудная природа...

Старея́сь в сомненьях
О великих тайнах,
Идут невозвратно
Веки за веками;
У каждого века
Вечность вопрошает:
«Чем кончилось дело?»
«Вопроси другого»,—
Каждый отвечает.

Смелый ум, с мольбою,
Мчится к провиденью.
Ты поведай мыслям
Тайну их созданий!
Шлют ответ, вновь тайный,
Чудеса природы,
Тишиной и бурей
Мысли изумляя...

Что же совершится
В будущем с природой?..
О, гори, лампада,
Ярче пред распятьем!
Тяжелы мне думы,
Сладостна молитва!

Не шуми ты, рожь

Не шуми ты, рожь,
Спелым колосом!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мне не для чего
Собирать добро,
Мне не для чего
Богатеть теперь!

Прочил молодец,
Прочил доброе,
Не своей душе —
Душе-девице.

Сладко было мне
Глядеть в очи ей,
В очи, полные
Полюбовных дум!

И те ясные
Очи стухнули,
Спит могильным сном
Красна девица!

Тяжелей горы,
Темней полночи
Легла на сердце
Дума черная!

Урожай

Красным полымем
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туман стелется;

Разгорелся день
Огнем солнечным,
Подобрал туман
Выше темя гор;

Нагустил его
В тучу черную,
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесут ее
Ветры буйные
Во все стороны
Света белого.

Ополчается
Громом, бурею,
Огнем, молнией,
Дугой-радугой;

Ополчилася —
И расширилась,
И ударила,
И пролилася

Слезой крупною —
Проливным дождем
На земную грудь,
На широкую.

И с горы небес
Глядит солнышко,
Напилась воды
Земля до́сыта;

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельские
Не насмотрятся.

Люди сельские
Божьей милости
Ждали с трепетом
И молитвою;

Заодно с весной
Пробуждаются
Их заветные
Думы мирные.

Дума первая:
Хлеб из закрома

Насыпать в мешки,
Убирать воза;

А вторая их
Была думушка:
Из села гужом
В пору выехать.

Третью думушку
Как задумали —
Богу-господу
Помолилися.

Чем свет по полю
Все разъехались —
И пошли гулять
Друг за дружкою,

Горстью полною
Хлеб раскидывать;
И давай пахать
Землю плугами

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьем
Порасчесывать.

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послал господь
За труды людям:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремит колосом
Почти дó земли,

Словно божий гость,
На все стороны
Дню веселому
Улыбается.

Ветерок по ней
Плывет-лоснится,
Золотой волной
Разбегается...

Люди семьями
Принялися жать,
Косить под корень
Рожь высокую.

В копны частые
Снопы сложены;
От возов всю ночь
Скрыпит музыка.

На гумнах везде,
Как князья, скирды
Широко сидят,
Подняв головы.

Видит солнышко —
Жатва кончена:
Холодней оно
Пошло к осени;

Но жарка свеча
Поселянина
Пред иконою
Божьей матери.

Глаза

Русская песня

Погубили меня
Твои черны глаза,
В них огонь неземной
Жарче солнца горит!

Омрачитесь, глаза,
Охладейте ко мне!
Ваша радость, глаза,
Не моя, не моя!..

Не глядите же так!
О, не мучьте меня!
В вас, страшнее грозы,
Блещут искры любви.

Нет, прогляньте, глаза,
Загоритесь, глаза!
И огнем неземным
Сердце жгите мое!

Мучьте жаждой любви!
Я горю и в жару
Бесконечно хочу
Оживать, умирать,

Чтобы, черны глаза,
Вас с любовью встречать
И опять и опять
Горевать и страдать.

Человек
Дума

Все творенья в божьем мире
Так прекрасны, хороши!
Но прекрасней человека
Ничего нет на земли!

То себя он ненавидит;
То собой он дорожит;
То полюбит, то разлюбит;
За миг жизни век дрожит...

Даст желаньям ли свободу —
Землю кровью напоит;
Буйной воле даст ли волю —
Под ним море закипит.

Но изменятся стремленья,
Озарится светом ум —
И своей он красотою
Все на свете помрачит...

Воронеж
15 июня 1836

Молодая жница

Высоко стоит
Солнце на небе,
Горячо печет
Землю-матушку.

Душно девице,
Грустно на поле,
Нет охоты жать
Колосистой ржи.

Всю сожгло ее
Поле жаркое,
Горит-горма все
Лицо белое.

Голова со плеч
На грудь клонится,
Колос срезанный
Из рук валится...

Не с проста ума
Жница жнет не жнет,
Глядит в сторону —
Забывается.

Ох, болит у ней
Сердце бедное,
Заронилось в нем —
Небывалое!

Она шла вчера
Нерабочим днем,
Лесом шла себе
По малинушку.

Повстречался ей
Добрый молодец;

Уж не в первый раз
Повстречался он.

Разминется с ней
Будто нехотя,
И стоит, глядит
Как-то жалобно.

Он вздохнул, запел
Песню грустную;
Далеко в лесу
Раздалась та песнь.

Глубоко в душе
Красной девицы
Озвалась она
И запала в ней...

Душно, жарко ей,
Грустно на поле,
Нет охоты жать
Колосистой ржи...

Женитьба Павла

Павел девушку любил,
Ей подарков надарил:
Два аршина касандрики,
Да платок, да черевики,

Да китаечки конец,
Да золоченый венец;
Она стала щеголиха,
Как богатая купчиха.

Плясать в улицу пойдет —
Распотешит весь народ;
Песни ль на голос заводит —
Словно зельями обводит.

Одаль мóлодцы стоят,
Меж собою говорят:
«Все мы ходим за тобою:
Чьей-то будешь ты женою?»

Говорите. Сам-третей,
Запряг Павел лошадей,
Везть товары подрядился,
Кой-где зиму волочился,

И, разгорившись казной,
К весне едет он домой;
В гости рóдных созывает;
Свахой тетку наряжает...

Большой выкуп дал отцу;
Клад достался молодцу.
Свадьбу весело играли:
Две недели пировали.

Косарь

Не возьму я в толк,
Не придумаю...
Отчего же так —
Не возьму я в толк?
Ох, в несчастный день,
В бесталанный час
Без сорочки я
Родился на свет.

У меня ль плечо —
Шире дедова;
Грудь высокая —
Моей матушки.
На лице моем
Кровь отцовская
В молоке зажгла
Зорю красную.
Кудри черные
Лежат скобкою;
Что́ работаю —
Все мне спорится!
Да в несчастный день,
В бесталанный час
Без сорочки я
Родился на свет!
Прошлой осенью
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А он, старый хрен,
Заупрямился!
За кого же он
Выдаст Грунюшку?
Не возьму я в толк,
Не придумаю...
Я ль за тем гонюсь,
Что отец ее
Богачом слывет?
Пускай дом его —
Чаша полная!
Я ее хочу,
Я по ней крушусь:
Лицо белое —
Заря алая,
Щеки полные,

Глаза темные
Свели молодца
С ума-разума...
Ах, вчера по мне
Ты так плакала;
Наотрез старик
Отказал вчера...
Ох, не свыкнуться
С этой горестью...

Я куплю себе
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее,—
И прости-прощай,
Село ро́дное!
Не плачь, Грунюшка,
Косой вострою
Не подрежусь я...
Ты прости, село,
Прости, староста.
В края дальние
Пойдет молодец:
Что вниз по Дону,
По набережью,
Хороши стоят
Там слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылем-травой
Расстилается!..
Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,

К морю Черному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам-друг
С косой вострою;
Мне давно гулять
По траве степной
Вдоль и поперек
С ней хотелося...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!
Молоньей, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава,
Подкошонная;
Поклонись, цветы,
Головой земле!
Наряду с травой
Вы засохнете,
Как по Груне я
Сохну, молодец!
Нагребу копен,
Намечу стогов;
Даст казачка мне
Денег пригоршни.
Я зашью казну;
Сберегу казну;
Ворочусь в село —

Прямо к старосте;
Не разжалобил
Его бедностью —
Так разжалоблю
Золотой казной!..

Москва
1836

Умолкший поэт
Дума

С душою пророка,
С печатью величья
На гордом челе
Родился младенец
На диво земле.

Земные богини,
Как хитрые девы,
Манили младенца
Роскошной мечтою,
Притворною лаской
Любовь обманули;
Сожгли поцелуем
Румянец лица,
Сорвали улыбку —
Сиянье души.
Напрасно таил он,
Напрасно берег
Дары вдохновений
От горнего мира
Для жизни земной;
Напрасно он райской
И звучною песней
Родимые дебри,

Поля оглашал:
Пустыня молчала...

Толпа отступилась
От взоров пророка!
Высокое чувство,
И жар вдохновенья,
И творчества силу
Толпа не признала:
Смешны ей и радость
И горе поэта...
Сгори он в пожаре
Презренных страстей:
Она, как вакханка,
Его зацелует
И бражским восторгом,
Нечистым, постыдным,
Навек заклеймит...

Очарованный утром,
Обманутый полднем,
Одетый вечерним
Туманом и тенью
Загадочной жизни,—
Глядит равнодушно
Безмолвный поэт...
Ты думаешь: пал он?
Нет, ты не заметил
Высокую думу,
Огонь благодатный
Во взоре его...

Великое слово
Дума

В. А. Жуковскому

Глубокая вечность
Огласилась словом:
То слово — «да будет!»
«Ничто» воплотилось
В тьму ночи и свет;
Могучие силы
Сомкнуло в миры,
И чудной, прекрасной
Повеяло жизнью.
Земля красовалась
Роскошным эдемом,
И дух воплощенный —
Владетель земли,—
С челом вечно юным,
Высоким и стройным,
С отсветом свободы
И мысли во взоре,
На светлое небо,
Как ангел, глядел...

Свобода, свобода!..
Где ж рай твой веселый?
Следы твои страшны,
Отмечены кровью
На пестрой странице
Широкой земли!
И лютое горе
Ее залило,
Ту дивную землю,
Бесславную землю!..

Но слово: «да будет!»,
То вечное слово
Не мимо идет;
В хаосе печали,
В полуночном мраке
Надземных судеб,
Божественной мыслью,
На древе креста
Сияет и светит
Терновый венец...

И горькие слезы,
Раскаянья слезы,
На бледных ланитах
Земного царя
Зажглись упованьем
Высоким и светлым,—
И дух вдохновляет
Мятежную душу,—
И сладко ей горе,
Понятно ей горе:
Оно — искупленье
Прекрасного рая...
Да будет! — и было,—
И, видим,— и будет...
Всегда — без конца.
Кто ж он, всемогущий?
И где обитает?..
Нет богу вопроса,—
Нет меры ему!..

Степь гр. Орловой
1836

Молитва

Дума

Спаситель, спаситель!
Чиста моя вера,
Как пламя молитвы!
Но, боже, и вере
Могила темна!
Что слух мой заменит?
Потухшие очи?
Глубокое чувство
Остывшего сердца?

Что будет жизнь духа
Без этого сердца?
На крест, на могилу,
На небо, на землю,
На точку начала
И цели творений
Творец всемогущий
Накинул завесу,
Наложил печать:
Печать та навеки,
Ее не расторгнут
Миры, разрушаясь,
Огонь не растопит,
Не смоет вода!..

Прости ж мне, спаситель!
Слезу моей грешной
Вечерней молитвы:
Во тьме она светит
Любовью к тебе...

Степь гр. Орловой
1836

Могила
Дума

Чья это могила
Тиха, одинока?
И крест тростниковый,
И насыпь свежа,
И чистое поле
Кругом без дорог?
Чья жизнь отжилася?
Чей кончился путь?
Татарин ли дикий
Свершил здесь убийство
В ночной темноте
И свежею кровью,
Горячею, брызнул
На русскую быль?
Или молодая
Жница-поселянка,
Ангела-младенца
На руках лелея,
Оплакала горько
Кончину его,—
И под ясным небом
В поле на просторе,
В цветах васильковых,
Положен дитя?..

Веет над могилой,
Веет буйный ветер,
Катит через ниву,
Мимо той могилы,
Сухую былинку,
Перекати-поле.
Будит вольный ветер,
Будит — не пробудит

Дикую пустыню,
Тихий сон могилы!..
И встают виденья
В душе одинокой...

Воронеж
1836

Цветок

Природы милое творенье,
Цветок, долины украшенье,
На миг взлелеянный весной,
Безвестен ты в степи глухой!

Скажи: зачем же так алеешь,
Росой заискрясь, пламенеешь
И дышишь чем-то как живым,
Благоуханным и святым?

Ты для кого в степи широкой,
Ты для кого от сел далеко?
Не для крылатых ли друзей,
Поющих в воздухе степей?

Для них ли, в роскоши, семьями,
Румяной ягодой, цветами
И обаяньем для души
Вы, травы, зреете в тиши?

О, пой, косарь! зови певицу,
Подругу, красную девицу,
Пока еще, шумя косой,
Не тронул ты травы степной!

Перстень

Перстенечек золотой,
Ненаглядный, дорогой!
Светлой памятью любви
В очи черные гляди.

Если грустно будет ей —
Ты потускни, почерней;
Если радость — изменись,
Весь алмазом загорись!

День забвенья ли придет,
Душа чувство проживет:
Тогда, перстень золотой,—
Почерней ты сам собой!

Раздумье селянина

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

Нет у молодца
Молодой жены,
Нет у молодца
Друга верного,

Золотой казны,
Угла теплого,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря;

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талан —
Силу крепкую;

Да и ту как раз
Нужда горькая
По чужим людям
Всю истратила.

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

Москва
9 апреля 1837

Горькая доля

Соловьем залетным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
С телом износилась.

От кручины-думы
В сердце кровь застыла;
Что любил, как душу,—
И то изменило.

Как былинку, ветер
Молодца шатает;
Зима лицо знобит,
Солнце сожигает.

До поры, до время
Всем я весь изжился;
И кафтан мой синий
С плеч долой свалился!

Без любви, без счастья
По миру скитаюсь:

Разойдусь с бедою —
С горем повстречаюсь!

На крутой горе
Рос зеленый дуб,
Под горой теперь
Он лежит гниет...

4 августа 1837

Два прощания

«Так ты, моя
Красавица,
Лишилась вдруг
Двух мóлодцев.
Скажи же мне,
Как с первым ты
Рассталася —
Прощалася?» —

«Рассталась с ним
Я весело;
Прощалася —
Смеялася...
А он ко мне,
Бедняжечка,
Припал на грудь
Головушкой;
И долго так
Лежал, молчал;
Смочил платок
Горючими...
«Ну — бог с тобой!» —
Промолвил мне.

Схватил коня,
Поехал в путь,
В чужих краях
Коро́тать век».—

«И ты над ним
Смеялася?
Его слезам
Не верила?
Скажи ж теперь,
Мудреная,
Как ты с другим
Прощалася?» —

«Другой не то...
Не плакал он,
Но и теперь
Все плачу я.
Ах, обнял он
Так холодно;
Так сухо речь
Повел со мной:
Я еду, вишь,
Ненадолго;
Еще с тобой
Увидимся
И вволюшку
Наплачемся.
По сердцу ли
Такой привет?
Махнул рукой,
Не кланяясь,
В мое лицо
Не смотрючи,
Пустил коня —
И был таков!» —

«Кто ж памятней
Останется
Душе твоей,
Красавица?» —
«Мне первого,
Конечно, жаль;
Люблю же я
Последнего».

18 сентября 1837

Вопрос
Дума

Как ты можешь
Кликнуть солнцу:
Слушай, солнце!
Стань, ни с места!
Чтоб ты в небе
Не ходило,
Чтоб на землю
Не светило!

Стань на берег,
Глянь на море:
Что ты можешь
Сделать морю,
Чтоб вода в нем
Охладела,
Чтобы камнем
Затвердела?

Какой силой
Богатырской
Шар вселенной

Остановишь,
Чтоб не шел он,
Не кружился?

Как же быть мне
В этом мире,
При движеньи —
Без желанья?
Что ж мне делать
С буйной волей,
С грешной мыслью,
С пылкой страстью?

В эту глыбу
Земляную
Сила неба
Жизнь вложила
И живет в ней,
Как царица!
С колыбели —
До могилы
Дух с землею
Ведут брани:
Земь не хочет
Быть рабою,—
И нет мочи
Скинуть бремя;
Духу ж неба
Невозможно
С этой глыбой
Породниться...

Много ль время
Пролетело?
Много ль время
Есть впереди!

Когда будет
Конец брани?
За кем поле?
Бог их знает!
В этой сказке
Цель сокрыта;
В моем толке
Смыслу нету,
Чтоб провидеть
Дела божьи...

За могилой
Речь безмолвна;
Вечной тьмою
Даль одета...
Буду ль жить я
В бездне моря?
Буду ль жить я
В дальнем небе?
Буду ль помнить:
Где был прежде?
Что я думал
Человеком...

Иль за гробом
Все забуду,
Смысл и память
Потеряю?..
Что ж со мною
Тогда будет,
Творец мира,
Царь природы?..

20 сентября 1837

Человеческая мудрость

Дума

Что ты значишь в этом мире,
Дух премудрый человека?
Как ты можешь кликнуть солнцу:
Слушай, солнце! Стань, ни с места!
Чтоб ты в небе не ходило!
Чтоб на землю не светило!
Выдь на берег, глянь на море:
Что ты можешь сделать морю,
Чтоб вода в нем охладела,
Чтобы камнем затвердела?
Чем, какою тайной силой
Шар вселенной остановишь,
Чтоб не шел он, не кружился?..
Перестрой же всю природу!
Мир прекрасен... Ты не хочешь...
Нет, премудрый, ты не можешь!
Да, не можешь, раб пространства,
Лет и времени невольник.
Будь ты бездна сил, идей,
Сам собой наполни небо,
Будь ты *все*, один и всюду,
Будь ты бог,— и слово — дело!..
Но когда уж это *все*,
Бесконечно и одно,
Есть пред нами в ризе света,—
То другой уж власти нет...
Все, что есть,— все это божье;
И премудрость наша — божья.

Две жизни
Дума

Две жизни в мире есть:
Одна светла, горит она, как солнце;
В ее очах небесный тихий день;
В сиянии — святая мысль и чувство;
Ее живая сила так роскошно
Звучит свободной и разумной речью.
И это — жизнь земного духа:
Долга она — как божья вечность...

Другая жизнь темна:
В ее очах — земная грусть и ночь;
И спит она сном крепким и мятежным,
Таится мысль в ее цветистых формах,
Но не звучит свободной речью;
Наклоннее во тьме она к молчанью.
И это —жизнь земного праха:
Кратка она, как блеск звезды падучей...

Царство мысли
Дума

Горит огнем и вечной мыслью солнце;
Осенены все той же тайной думой,
Блистают звезды в беспредельном небе;
И одинокий, молчаливый месяц
Глядит на нашу землю светлым оком.
В тьме ночи возникает мысль созданья;
Во свете дня она уже одета,
И крепнет в веяньи живой прохлады,
И спеет в неге теплоты и зноя.
Повсюду мысль одна — одна идея,

Она живет и в пепле и пожаре;
Она и там — в огне, в раскатах грома;
В сокрытой тьме бездонной глубины;
И там, в безмолвии лесов дремучих;
В прозрачном и плавучем царстве вод
глубоких,
В их зеркале, и в шумной битве волн;
И в тишине безмолвного кладбища;
На высях гор безлюдных и пустынных;
В печальном завываньи бурь и ветра;
В глубоком сне недвижимого камня;
В дыхании былинки молчаливой;
И в дикой силе львиной мышцы крепкой;
В судьбе народов, царств, ума и
чувства, всюду —
Она одна — царица бытия!

Пора любви

Весною степь зеленая
Цветами вся разубрана,
Вся птичками летучими —
Певучими полным-полна;
Поют они и день и ночь,
То песенки чудесные!
Их слушает красавица
И смысла в них не ведает,
В душе своей не чувствует,
Что песни те — волшебные:
В них сила есть любовная;
Любовь — огонь; с огня — пожар...
Не слушай их, красавица!
Пока твой сон — сон девичий,
Спокоен, тих до утра-дня!

Как раз беду наслушаешь:
В цвету краса загубится,
Лицо твое румяное
Скорей платка износится.

Стоит она, задумалась,
Дыханьем чар овеяна;
Запала в грудь любовь-тоска,
Нейдет с души тяжелый вздох:
Грудь белая волнуется,
Что реченька глубокая —
Песку со дна не выкинет;
В лице огонь, в глазах — туман...
Смеркает степь, горит заря...

Весной, в реке, при месяце,
Поит коня детинушка;
Сам думает он думушку
Про девицу заветную:
«Четвертый год как я люблю
Меньшую дочь соседскую...
Пойдешь за ней на улицу,
Затеешь речь сторонкою:
Так нет, куда! сидит, молчит...
Пошлешь к отцу — посвататься,—
Седой старик спесивится:
«Нельзя никак — жди череду».

Болит моя головушка,
Щемит в груди ретивое,
Печаль моя всесветная,
Пришла беда незваная,
Как с плеч свалить? не знаю сам.
И сила есть — да воли нет;
Наружи клад — да взять нельзя.
Заклял его обычай наш;

Ходи, гляди да мучайся,
Толкуй с башкой порожнею...

Возьму ж я ржи две четверти,
Поеду ж я на мельницу;
Про мельника слух носится,
Что мастер он присушивать.
Скажу ему: «Иван Кузьмич!
К тебе нужда есть кровная:
Возьми с меня, что хочешь ты,
Лишь сделай мне — по-своему».

В селе, весной, при месяце,
Спокойно спит крещеный мир;
Вдоль улицы наш молодец
Идет сам-друг с соседкою,
Промеж себя ведут они
О чем-то речь хорошую.
Дает он ей с руки кольцо —
У ней берет себе в обмен.
А не был он на мельнице,
Иван Кузьмич не грешен тут.

Ах, степь ты, степь зеленая,
Вы, пташечки певучие,
Разнежили вы девицу,
Отбили хлеб у мельника!
У вас весной присуха есть,
Сильней присух нашептанных.

Лес

Посвящено памяти А. С. Пушкина

Что, дремучий лес,
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?

Что Бова-силач
Заколдованный,
С непокрытою
Головой в бою,—

Ты стоишь — поник,
И не ратуешь
С мимолетною
Тучей-бурею?

Густолиственный
Твой зеленый шлем
Буйный вихрь сорвал —
И развеял в прах.

Плащ упал к ногам
И рассыпался...
Ты стоишь — поник,
И не ратуешь.

Где ж девалася
Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль, было,
В ночь безмолвную
Заливная песнь
Соловьиная?..

У тебя ль, было,
Дни — роскошество,—
Друг и недруг твой
Прохлаждаются?..

У тебя ль, было,
Поздно вечером
Грозно с бурею
Разговор пойдет:

Распахнет она
Тучу черную,
Обоймет тебя
Ветром-холодом.

И ты молвишь ей
Шумным голосом:
«Вороти назад!
Держи около!»

Закружит она,
Разыграется...
Дрогнет грудь твоя,
Зашатаешься;

Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свист кругом,
Голоса и гул...

Буря всплачется
Лешим, ведьмою,—
И несет свои
Тучи за море.

Где ж теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернел ты весь,
Затуманился...

Одичал, замолк...
Только в непогодь
Воешь жалобу
На безвременье.

Так-то, темный лес,
Богатырь Бова!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень черная.

Знать, во время сна
К безоружному
Силы вражие
Понахлынули.

С богатырских плеч
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой...

Первая песня лихача кудрявича

С радости-веселья
Хмелем кудри вьются;
Ни с какой заботы
Они не секутся.

Их не гребень чешет —
Золотая доля,

Завивает в кольцы
Молодецка удаль.

Не родись богатым,
А родись кудрявым:
По щучью веленью
Все тебе готово.

Чего душа хочет —
Из земли родится;
Со всех сторон прибыль
Ползет и валится.

Что шутя задумал —
Пошла шутка в дело;
А тряхнул кудрями —
В один миг поспело.

Не возьмут где лоском,
Возьмут кудри силой;
И что худо — смотришь,
По воде поплыло!

Любо жить на свете
Молодцу с кудрями,
Весело, на белом,
С черными бровями!

Вовремя, да впору,
Медом речи льются;
И с утра до ночи
Песенки поются.

Про те речи-песни
Девушки все знают,—
И о кудрях зиму
Ночь не спят, гадают.

Честь и слава кудрям!
Пусть их волос вьется!
С ними все на свете
Ловко удается!

Не под шапку горе
Голове кудрявой!
Разливайтесь, песни!
Ходи, парень, браво!

Вторая песня лихача кудрявича

В золотое время
Хмелем кудри вьются;
С горести-печали
Русые секутся.

Ах, секутся кудри!
Любит их забота;
Полюбит забота —
Не чешет и гребень!

Не родись в сорочке,
Не родись таланлив,
Родись терпеливым
И на все готовым.

Век прожить — не поле
Пройти за сохою;
Кручину, что тучу,
Не уносит ветром.

Зла беда — не буря —
Горами качает;

Ходит невидимкой,
Губит без разбору.

От ее напасти
Не уйти на лыжах:
В чистом поле на́йдет,
В темном лесе сыщет.

Чуешь только сердцем:
Придет, сядет рядом,
Об руку с тобою
Пойдет и поедет...

И щемит, и ноет,
Болит ретивое:
Все — из рук вон плохо;
Нет ни в чем удачи.

То — скосило градом,
То — сняло пожаром...
Чист кругом и легок;
Никому не нужен...

К старикам на сходку
Выйти приневолят:
Старые лаптишки
Без онуч обуешь;

Кафтанишка рваный
На́ плечи натянешь;
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь...

Тихомолком станешь
За чужие плечи...
Пусть не видят люди
Прожитого счастья.

Измена суженой

Русская песня

Жарко в небе солнце летнее,
Да не греет меня, молодца!
Сердце замерло от холода,—
От измены моей суженой.

Пала грусть-тоска тяжелая
На кручинную головушку;
Мучит душу мука смертная,
Вон из тела душа просится.

Я пошел к людям за помочью,—
Люди с смехом отвернулися;
На могилу к отцу́, матери,—
Не встают они на голос мой.

Замутился свет в глазах моих,
Я упал в траву без памяти...
В ночь глухую буря страшная
На могиле подняла меня...

В ночь, под бурей, я коня седлал:
Без дороги в путь отправился —
Горе мыкать, жизнью тешиться,
С злою долей переведаться...

Москва
20 января 1838

К милой

Давно расстались мы с тобою.
Быть может, ты теперь не та;
Быть может, уж другой
Тебя от сладкого забвенья
Для новой жизни пробудил,
И в тех же снах другие сновиденья,
Роскошнее моих, твою лелеют душу.
Хорош ли он? Вполне ли заменил
Огонь любви моей могучей
И силу страстного лобзанья
И наслажденья без конца?
Что, если он, своею волей,
Сумел любовь пересоздать
И на разрушенных обломках
Построил мир другой —
Подобье дня под небесами?
И в этот мир волшебной силой
Прелестные мечты без образов собрал,
Кругом тебя рассыпал,
Преобразил в живые лица,
Святой любовью озарил
И власть тебе он дал
Их бесконечно ощущать?..
Ах, если так, то ты счастлива!
Среди духов небесных
Нет духа счастливей тебя!..
Что ж я? — ненужное созданье?
Приди ко мне, моя богиня,
Во время сна, в покровах ночи,
Возьми к себе в его прекрасный мир
И с ним в одно созданье слей!

Москва
1 февраля 1838

Русская песня

Ах, зачем меня
Силой выдали
За немилого —
Мужа старого?

Небось весело
Теперь матушке
Утирать мои
Слезы горькие!

Небось весело
Глядеть батюшке
На житье-бытье
Горемышное!

Небось сердце в них
Разрывается,—
Как приду одна
На великий день;

От дружка дары
Принесу с собой:
На лице — печаль,
На душе — тоску.

Поздно, ро́дные,
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!

Пусть из-за моря
Корабли плывут;
Пущай золото
На пол сыпится;

Не расти траве
После осени;
Не цвести цветам
Зимой по снегу!

Москва
5 апреля 1838

Последний поцелуй

Обойми, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз, поскорей,
Поцелуй горячей.
Что печально глядишь?
Что на сердце таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Из очей слез не лей;
Мне не надобно их,
Мне не нужно тоски...
Не на смерть я иду,
Не хоронишь меня.
На полгода всего
Мы расстаться должны;
Есть за Волгой село
На крутом берегу:
Там отец мой живет,
Там родимая мать
Сына в гости зовет;
Я поеду к отцу;
Поклонюся родной
И согласье возьму
Обвенчаться с тобой.

Мучит душу мою
Твой печальный убор,

Для чего ты в него
Нарядила себя?
Разрядись, уберись
В свой наряд голубой
И на плечи накинь
Шаль с каймой расписной;
Пусть пылает лицо,
Как поутру заря,
Пусть сияет любовь
На устах у тебя!
Как мне мило теперь
Любоваться тобой!
Как весна — хороша
Ты, невеста моя!
Обойми ж, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз, поскорей,
Поцелуй горячей!

Москва
12 апреля 1838

Деревенская беда

На селе своем жил молодец,
Ничего не знал, не ведывал,
Со друзьями гулял, бражничал,
По всему селу роскошничал.

В день воскресный, с утра до ночи,
В хороводе песни игрывал;
Вместе с девицей-красавицей
Пляски новые выдумывал.

Полюбил я эту девушку:
Что душою — больше разумом,

Больше поступью павлиною,
Да что речью соловьиною...

Как, бывало, летом, с улицы,
Мы пойдем с ней рука об руку
До двора ее богатого,
До крыльца ее высокого.

Да как гляну, против зорюшки,
На ее глаза — бровь черную;
На ее лицо — грудь белую,
Всю монистами покрытую,—

Аль ни пот с лица посыпится;
Аль ни в грудь душа застукает;
Месяц в облака закроется,
Звезды мелкие попрячутся...

Так, за полночь с нею сидючи,
По душе мы речь затеяли:
Поцелуями помолвились,
Друг за другом быть условились.

На погибель мою, староста
За сынка вперед посватался;
И его казна несметная
Повернула все по-своему.

Тошно, грустно было на сердце,
Как из церкви мою милую,
При народе, взял он за руку,
С похвальбою поклонился мне.

Тошно, грустно было на сердце,
Как он с нею, вдоль по улице,
Что есть духу поскакал — злодей! —
К своему двору широкому.

Я стоял, глядел, задумался;
Снявши шапку — хватил об землю.
И пошел себе загуменьем
Под его окошки красные.

Там огни горят; там девушки
Поют песни, там товарищи
Пьют, играют, забавляются,
С молодыми все целуются.

Вот приходит полночь мертвая,
Разошлися гости пьяные,
Добры молодцы разъехались,
И ворота затворилися...

В эту пору, для приятеля,
Заварил я брагу хмельную,
Заиграл я свадьбу новую,
Что беседу небывалую:

Аль ни дым пошел под облаки,
Аль ни пламя закрутилося;
По соседам — через улицу —
На мою избушку бросилось.

Где стоял его богатый дом,
Где была избушка бедная:
Утром все с землей сровнялося —
Только уголья чернелися...

С той поры я с горем-нуждою
По чужим углам скитаюся,
За дневной кусок работаю,
Кровным потом умываюся...

Москва
1838 г., мая 14 дня, полночь

Примирение

На пир сердечных наслаждений,
На светлый пир любви младой,
С судьбою грозной злые люди
Напали буйною толпой.
И я, в безумном исступленьи,
Из мира девственной любви
К моим врагам на праздник шумный
С челом открытым гордо вышел,
На злобу — злобой ополчился
И на беду — с бедой пошел;
Против людей я грудью стал,
На смертный бой судьбу я вызвал!
И где ж она?.. Где злые люди?..
Где сила их, оружье, власть?..
Их зло на них же обратилось;
И все кругом меня безмолвно
В одно мгновенье покорилось;
А я стоял, глядел на небо,—
И улыбнулось небо мне...
Не небо — нет! Ее прекрасный,
Приветный взор я встретил там...

Теперь, лукавый соблазнитель,
Ты, демон гибнующей души,
Оставь меня. Ни прелестью порока,
Ни буйной страстью грешных наслаждений
Не увлечешь меня ты больше;
Не для тебя — для ней одной
Я жизнью пламенной живу.
И вот уж нет пространства между нами;
И вот уж нет в пространстве пустоты;
Она и я — различные два мира —
В одну гармонию слились,
Одною жизнию живем!

Но что за грустные сомненья
Порой еще мою волнуют грудь?
Ужель, души моей надежды,
Есть за могилой вам конец?
Ужель все истины на свете —
Одна лишь выдумка ума?
Ужель и ты, святая вера чувств,
Людских страстей пустая тень?..
Нет, нет! не для того на небе солнце ходит,
Чтоб белый день покрылся тьмой...

Москва
20 июня 1838

Мир музыки

В стройных звуках льются песни
Гармонической волной;
По душе волшебной ходят
И проходят с быстротой.

Полечу я вслед за ними;
Погружуся в них душой;
В очарованном забвеньи
Позабуду мир земной!

Сколько звуков, сколько песен
Раздалося вновь во мне!
Сколько образов чудесных
Оживилось в вышине!

Между них она, младая,
Заблистала красотой!
Чистой пламенной любовью
Озарился мир земной...

Улетайте ж в небо, звуки,
Сокрывайтеся вдали!
Здесь я с нею, здесь я счастлив,—
Любо жить мне на земли.

Москва, вечер музыкальный у Боткина
20 июня 1838

Русская песня

В поле ветер веет,
Травку колыхает,
Путь, мою дорогу
Пылью покрывает.

Выходи ж ты, туча,
С страшною грозою,
Обойми свет белый,
Закрой темнотою.

Молодец удалый
Соловьем засвищет —
Без пути, без света
Свою долю сыщет.

Что ему дорога,
Тучи громовые,
Как придут по сердцу
Очи голубые!

Что ему на свете
Доля нелюдская,
Когда его любит
Она, молодая!

Москва
1838 г., июля 10, утро, 12 часов

Последняя борьба

Надо мною буря выла,
Гром по небу грохотал,
Слабый ум судьба страшила,
Холод в душу проникал.

Но не пал я от страданья,
Гордо выдержал удар,
Сохранил в душе желанья,
В теле — силу, в сердце — жар!

Что погибель! Что спасенье!
Будь что будет — все равно!
На святое провиденье
Положился я давно!

В этой вере нет сомненья,
Ею жизнь моя полна!
Бесконечно в ней стремленье!..
В ней покой и тишина...

Не грози ж ты мне бедою,
Не зови, судьба, на бой:
Готов биться я с тобою,
Но не сладишь ты со мной!

У меня в душе есть сила,
У меня есть в сердце кровь,
Под крестом — моя могила;
На кресте — моя любовь!

20 сентября 1838

Стенька Разин

Памяти друга А. П. Сребрянского

Не страшна мне, добру молодцу,
Волга-матушка широкая,
Леса темные, дремучие,
Вьюги зимние — крещенские...

Уж как было: по темным лесам
Пировал я зимы круглые;
По чужим краям, на свой талан,
Погулял я, поохотился.

А по Волге, моей матушке,
По родимой, по кормилице,
Вместе с братьями, за до́бычью
На край света летал соколом.

Но не Волга, леса темные,
Вьюги зимние — крещенские —
Погубили мою голову,
Сокрушили мочь железную...

В некрещеном славном городе,
На крутом, высоком острове,
Живет девушка-красавица,
Дочка гостя новгородского...

Она в тереме, что зорюшка,
Под окном сидит растворенным:
Поет песни задушевные,
Наши братские-отцовские.

«Ах, душа ль моя ты, душенька!
Что сидишь ты? Что ты думаешь?
Али речь моя не по сердцу?
Али батюшка спесивится?..

Не сиди, не плачь; ты кинь отца,
Ты беги ко мне из терема;
Мы с тобою, птицы вольные,
Жить поедем в Москву красную».

Отвечает ему девица:
«За любовь твою, мой милый друг,
Рада кинуть отца с матерью;
Но боюсь суда я страшного!..»

Забушуй же, непогодушка,
Разгуляйся, Волга-матушка!
Ты возьми мою кручинушку,
Размечи волной по бережку...

15 октября 1838

Бедный призрак

Убил я жизнь, искавши счастья,
Сгубил себя — а счастья нет;
Пойду к друзьям на пир старинный,
И заживу я с ними вновь.
«Против меня восстали люди;
Судьба карает день и ночь;
На свете жить несносно, горько;
Страдальцу дайте отдохнуть».
Ответа нет. Друзья-счастливцы
На бедность холодно глядят;
Со мною встречи избегают;
И «нету дома» говорят.
Как будто я, недобрый гость,
Пришел богатства их присвоить;
Печалью радость отравить;
Свое им горе навязать!

И вот дожил на старость лет,
Что не с кем слова перемолвить;
Сердечной скуки разделить,
Кому б «ночь добрую» сказать.
О ночь! приди хоть ты... Но с этой мыслью
Вся повесть прежних дней
Из глубины души выходит
И тенью страшною стоит.
И грустно мне смотреть
Весной на луг зеленый,
На плод любимых яблонь
И на пожатый колос нив...

20 октября 1838

Бегство

Уж как гляну я на поле —
Поле чистое дрогнёт,
Нагустит свои туманы,
В них оденется на ночь.

Я из поля в лес дремучий —
Леший по лесу шумит,
Про любовь свою к русалке
С быстрой речкой говорит.

Крикну лесу, топну в берег —
Леший за горы уйдет;
С тихим трепетом русалка
В берегах своих уснет.

Я чрез речку, огородом,
Всю слободку обойду,
С темной полночью глухою
К дому барскому приду.

Свистну... в тереме высоком
Вмиг растворится окно;
Под окном душа-девица
Дожидается давно.

«Скучно в тереме весною
Одинокой горевать;
То ли дело, на просторе,
Друга к сердцу прижимать!»

Поднимайся, туча-буря,
С полуночною грозой!
Зашатайся, лес дремучий,
Страшным голосом завой,—

Чтоб погони злой боярин
Вслед за нами не послал;
Чтоб я с милою до света
На Украйну прискакал.

Там всего у нас довольно;
Нам где будет отдохнуть.
От боярина сокроют,
Хату славную дадут.

Будем жить с тобой по-пански...
Эти люди — нам друзья;
Что душе твоей угодно,
Все добуду с ними я!

Будут платья дорогие,
Ожерелья с жемчугом!
Наряжайся, одевайся
Хоть парчою с серебром!

31 декабря 1838

Товарищу

Что ты ходишь с нуждой
По чужим по людям?
Веруй силам души
Да могучим плечам.

На заботы ж свои
Чуть заря поднимись
И один во весь день
Что есть мочи трудись.

Неудачи, беда? —
С грустью дома сиди;
А с зарею опять
К новым нуждам иди.

И так бейся, пока
Случай счастье найдет
И на славу твою
Жить с тобою начнет.

Та же сила тогда
Другой голос возьмет;
И чудно и смешно:
Всех к тебе прикует.

И те ж люди-враги,
Что чуждались тебя,
Бог уже ведает как,
Назовутся в друзья.

Ты не сердись на них;
Но спокойно, в тиши,
Жизнь горою пируй
По желаньям души.

Я дома

Опять в глуши, опять досуг
Страдать и телом и душою
И одиночества недуг
Кормить привязчивой тоскою.
Ох, этот корм! Как горек он!
С него душа не пополнеет,
Не вспыхнет кровь, а смертный сон
Скорей крылом на жизнь повеет!
Но я, в укор моей судьбе,
Судьбе, враждующей со мною,
Томясь с злосчастием в борьбе,
Не отравлен еще тоскою.
Еще я верю, что минет
Година горьких испытаний
И снова солнышко взойдет
И сгонит с сердца мглу страданий!
Что нужды, если срок уйдет,—
Жизнь на закате рассветлеет;
Нас в полдень солнце очень жжет,
А под вечер отрадно греет.

5 января 1839

Путь

Путь широкий давно
Предо мною лежит;
Да нельзя мне по нем
Ни летать, ни ходить...

Кто же держит меня?
И что кинуть мне жаль?
И зачем до сих пор
Не стремлюся я вдаль?

Или доля моя
Сиротой родилась!
Иль со счастьем слепым
Без ума разошлась!

По летам и кудрям
Не старик еще я:
Много дум в голове,—
Много в сердце огня!

Много слуг и казны
Под замками лежит;
И лихой вороной
Уж оседлан стоит.

Да на путь — по душе —
Крепкой воли мне нет,
Чтоб в чужой стороне
На людей поглядеть;

Чтоб порой пред бедой
За себя постоять,
Под грозой роковой
Назад шагу не дать;

И чтоб с горем, в пиру,
Быть с веселым лицом;
На погибель идти —
Песни петь соловьем!

10 марта 1839

Песня

В непогоду ветер
Воет, завывает;
Буйную головку
Злая грусть терзает.

Горемышной доле
Нет нигде привета:
Целый век любовью
Душа не согрета.

Нету сил; устал я
С этим горем биться,
А на свет посмотришь —
Жалко с ним проститься!

Доля ж, моя доля!
Где ты запропала?
До поры, до время
Камнем в воду пала?

Поднимись — что силы,
Размахни крылами:
Может, наша радость
Живет за горами.

Если нет, у моря
Сядем да дождемся;

Без любви и с горем
Жизнью наживемся!

5 августа 1839

Тоска по воле

Загрустила, запечалилась
Моя буйная головушка;
Ясны очи соколиные
Не хотят смотреть на белый свет.

Тяжело жить дома с бедностью;
Даром хлеб сбирать под окнами;
Тяжелей того в чужих людях
Быть в неволе, в одиночестве.

Дни проходят здесь без солнышка;
Ночи темные — без месяца;
Бури страшные, громовые,
Удалой души не радуют.

Где ж друзья мои — товарищи?
Куда делись? разлетелися?
Иль не хочут дать мне помочи?
Или голос мой разносит ветр?

Знать, забыли время прежнее,
Как, бывало, в полночь мертвую
Крикну, свистну им из-за леса:
Аль ни темный лес шело́хнется...

И они, мои товарищи,
Соколья, орлы могучие,
Все в один круг собираются
Погулять ночь, пороскошничать.

А теперь, как крылья быстрые
Судьба злая мне подрезала,
И друзья, мои товарищи,
Одного меня все кинули...

Гой ты, сила пододонная!
От тебя я службы требую —
Дай мне волю, волю прежнюю,
А душой тебе я кланяюсь...

2 сентября 1839

Хуторок
Русская баллада

За рекой, на горе,
Лес зеленый шумит;
Под горой, за рекой,
Хуторочек стоит.

В том лесу соловей
Громко песни поет;
Молодая вдова
В хуторочке живет.

В эту ночь-полуночь
Удалой молодец
Хотел быть, навестить
Молодую вдову...

На реке рыболов
Поздно рыбу ловил,
Погулять, ночевать
В хуторочек приплыл.

«Рыболов мой, душа!
Не ночуй у меня:

Свекор дома сидит,—
Он не любит тебя...

Не сердися, плыви
В свой рыбачий курень;
Завтра ж, друг мой, с тобой
Гулять рада весь день».—

«Сильный ветер подул...
А ночь будет темна!..
Лучше здесь, на реке,
Я просплю до утра».

Опознился купец
На дороге большой;
Он свернул ночевать
Ко вдове молодой.

«Милый купчик-душа!
Чем тебя мне принять?..
Не топила избы,
Нету сена, овса.

Лучше к куму в село
Поскорее ступай;
Только завтра, смотри,
Погостить заезжай!» —

«До села далеко;
Конь устал мой совсем;
Есть свой корм у меня —
Не печалься о нем.

Я вчера в городке
Долго был — все купил:
Вот подарок тебе,
Что давно посулил» —

«Не хочу я его!..
Боль головушку всю
Разломила насмерть;
Ступай к куму в село».—

«Эта боль — пустяки!..
Средство есть у меня:
Слова два — заживет
Вмиг головка твоя».

Засветился огонь,
Закурилась изба;
Для гостей дорогих
Стол готовит вдова.

За столом, с рыбаком,
Уж гуляет купец...
(А в окошко глядит
Удалой молодец...)

«Ты, рыбак, пей вино!
Мне с сестрой наливай!
Если мастер плясать:
Петь мы песни давай!

Я с людями люблю
По-приятельски жить;
Ваше дело — поймать,
Наше дело — купить...

Так со мною, прошу,
Без чинов — по рукам;
Одну басню твержу
Я всем добрым людям:

Горе есть — не горюй,
Дело есть — работай;

А под случай попал —
На здоровье гуляй!»

И пошел с рыбаком
Купец песни играть,
Молодую вдову
Обнимать, целовать.

Не стерпел удалой,
Загорелась душа!
И — как глазом моргнуть —
Растворилась изба...

И с тех пор в хуторке
Никого не живет;
Лишь один соловей
Громко песни поет...

5 сентября 1839

К***

Ты в путь иной отправилась одна
И для преступных наслаждений,
Для сладострастья без любви,
Других любимцев избрала...
Ну, что ж — далеко ль этот путь пройден?
Какие впечатленья
В твоей душе оставил он?
Из всей толпы избранников твоих
С тобой остался ль хоть один
И для спасенья твоего
Готов ли жертвовать собой?
Где ж он? Дай мне его обнять,
Обоих вас благословить

На бесконечный жизни путь!
Но ты одна; над страшной бездной
Одна, несчастная, стоишь!
В безумном исступленьи
Врагов на помощь ты зовешь
И с безнадежною тоскою
На гибель верную идешь.
Дай руку мне: еще есть время
Тебя от гибели спасти...
Как холодна твоя рука!
Как тяжело нам проходить
Перед язвительной толпой!
Но я решился, я пойду
И до конца тебя не брошу,
И вновь я выведу тебя
Из бездны страшного греха...
И вновь ты будешь у меня
На прежнем небе ликовать
И трудный путь судьбы моей
Звездою светлой озарять!..

10 сентября 1839

***

Что ты спишь, мужичок?
Ведь весна на дворе;
Ведь соседи твои
Работáют давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты был? и что стал?
И что есть у тебя?

На гумне — ни снопа;
В закромах — ни зерна;
На дворе, по траве —
Хоть шаром покати.

Из клетей домовой
Сор метлою посмел
И лошадок за долг
По соседям развел.

И под лавкой сундук
Опрокинут лежит;
И, погнувшись, изба,
Как старушка, стоит.

Вспомни время свое:
Как катилось оно
По полям и лугам
Золотою рекой!

Со двора и гумна,
По дорожке большой,
По селам, городам,
По торговым людям!

И как двери ему
Растворяли везде,
И в почетном угле
Было место твое!

А теперь под окном
Ты с нуждою сидишь
И весь день на печи
Без просыпу лежишь.

А в полях, сиротой,
Хлеб не скошен стоит.

Ветер точит зерно!
Птица клюет его!

Что ты спишь, мужичок?
Ведь уж лето прошло,
Ведь уж осень на двор
Через прясло глядит.

Вслед за нею зима
В теплой шубе идет,
Путь снежком порошит,
Под санями хрустит.

Все соседи на них
Хлеб везут, продают,
Собирают казну,
Бражку ковшиком пьют.

25 сентября 1839

Русская песня

Говорил мне друг, прощаючись:
«Не грусти, не плачь ты попусту,
Не печаль лица ты белого,
Не гаси румянца алого.

Ты ведь знаешь, моя милая,
Что иду я не охотою:
Но судьба велит, нужда несет,—
Отец силой просит дома жить.

Я пойду, скажу: вот, батюшка,
Мой избыток весь возьми себе;
Но в твоем дому родительском
Не жилец я, не кормилец твой!

Не держи ж, пусти, дай волюшку
Там опять мне жить, где хочется,
Без талана где таланится,
Молодым кудрям счастливится...»

Говорил так друг, прощаючись,
А в душе его был замысел:
Не к отцу идти — в другом селе
Замуж взять вдову богатую...

Ну, господь с тобой, мой милый друг!
Я за твой обман не сержуся...
Хоть и женишься — раскаешься,
Ко мне, может быть, воротишься.

Лес
Дума

О чем шумит сосновый лес?
Какие в нем сокрыты думы?
Ужель в его холодном царстве
Затаена живая мысль?..

Коня скорей! Как сокол быстрый,
На нем весь лес изъезжу я:
Везде глубокий сон, шум ветра,
И дикая краса угрюмо спит...

Когда-нибудь его стихия
Рвалася землю всю покрыть,
Но, в сон невольно погрузившись,
В одном движении стоит.

Порой, во тьме пустынной ночи,
Былых веков живые тени

Из глубины его выходят,—
И на людей наводят страх.

С приходом дня уходят тени,
Следов их нет; лишь на вершинах
Один туман, да в темной грусти
Ночь безрассветная лежит...

Какая ж тайна в диком лесе
Так безотчетно нас влечет,
В забвенье погружает душу
И мысли новые рождает в ней?..

Ужели в нас дух вечной жизни
Так бессознательно живет,
Что может лишь в пределах смерти
Свое величье сознавать?..

10 ноября 1839

Русская песня

Без ума, без разума
Меня замуж выдали,
Золотой век девичий
Силой укоро́тали.

Для того ли молодость
Соблюдали, нежили,
За стеклом, от солнышка,
Красоту лелеяли,

Чтоб я век свой замужем
Горевала, плакала,
Без любви, без радости
Сокрушалась, мучилась?

Говорят родимые:
Поживется — слюбится;
И по сердцу выберешь —
Да горчее придется.

Хорошо, состарившись,
Рассуждать, советовать
И с собою молодость
Без расчета сравнивать!

15 ноября 1839

Послание
В. Г. Белинскому

Будь человек, терпи!
Тебе даны все силы,
Какими жизнь живет
И мир вселенной движет.
Не так природа-мать,
Но по закону воли
Свои дары здесь раздает
Для царства бытия!
Когда ж над ней есть воля,—
Без воли — миг — и что она? —
Так как же могут люди
Твоей душою управлять?..

Пусть все они восстанут,
Против тебя пойдут,
В твою главу ударят
Всей силою земной,—
Не пяться, друг! стой прямо!
Главы пред ними не склоняй!
Но смело в бой неравный —

На битву божию ступай!
Не уничтожить им
Твоей могучей воли:
Пока в грудях дыханье —
До тех пор бейся с ними ты...

Громада гор земля —
Земля песчинка лишь одна.
И океан безбрежных вод —
Что капля утренней росы.
У духа жизни веса нет,
У воли духа нет границ,
Везде одна святая сила,
И часть ее есть сила та ж.
Одним лучом огонь небес
Осветит тьму, согреет лед,
Но тьма и холод в небе
Другого солнца не зажгут.

Зачем же долго медлить?
Другую мочь откуда ждать? —
Когда с презреньем люди
Зовут тебя на брань,
Ступай во имя бога,
Воюй за правду, честь,
Умри на поле брани;
Но не беги с него назад.
И где война — там дело
Великой жизни бытия!
В ее борьбе — паденье смерти
И новой мысли торжество!

16 ноября 1839

Дума сокола

В. П. Боткину

Долго ль буду я
Сиднем дома жить,
Мою молодость
Ни на что губить?

Долго ль буду я
Под окном сидеть,
По дороге вдаль
День и ночь глядеть?

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Все заказаны?

Иль боится он
В чужих людях быть,
С судьбою-мачехой
Сам-собою жить?

Для чего ж на свет
Глядеть хочется,
Облететь его
Душа просится?

Иль зачем она,
Моя милая,
Здесь сидит со мной,
Слезы льет рекой;

От меня летит,
Песню мне поет,
Все рукой манит!
Все с собой зовет!

Нет, уж полно мне
Дома век сидеть,
По дорожке вдаль
День и ночь глядеть!

Со двора пойду,
Куда путь лежит,
А жить стану там,
Где уж бог велит!

15 января 1840

Русская песня

Греет солнышко —
Да осенью;
Цветут цветики —
Да не в пору;

А весной была
Степь желтая,
Тучки плавали
Без дождика.

По ночам роса
Где падала,

Поутру трава
Там сохнула.

И всё пташечки,
Касаточки,
Пели грустно так
И жалобно,

Что, их слушая,
Кровь стынула,
По душе лилась
Боль смертная.

Так прошла моя
Вся молодость —
Без любви-души,
Без радости.

12 февраля 1840

Русская песня

Не скажу никому,
Отчего я весной
По полям и лугам
Не сбираю цветов.

Та весна далеко,
Те завяли цветы,
Из которых я с ним
Завивала венки!

И тех нет уж и дней,
Что летели стрелой,
Что любовью нас жгли,
Что палили огнем!

Все прошло уж давно...
Не воротишь назад!
Для чего ж, без него,
Цветы стану я рвать?

Не скажу никому,
Отчего у меня
Тяжело на груди
Злая грусть налегла...

26 февраля 1840

Вопль страдания

Напрасно я молю святое провиденье
Отвесть удар карающей судьбы,
Укрыть меня от бурь мятежной жизни
И облегчить тяжелый жребий мой;

Иль, слабому, ничтожному творенью,
Дать силу мне, терпенье, веру,
Чтоб мог я равнодушно пережить
Земных страстей безумное волненье.

Пощады нет! Душевную молитву
Разносит ветр во тьме пустынной,
И вопли смертного страданья
Без отзыва в дали глубокой тонут.

Ужель во цвете лет, под тяжестью лишений,
Я должен пасть, не насладившись днем
Прекрасной жизни, досыта не упившись
Очаровательным дыханием весны?

6 марта 1840

Русская песня

Так и рвется душа
Из груди молодой!
Хочет воли она,
Просит жизни другой!

То ли дело — вдвоем
Над рекою сидеть,
На зеленую степь,
На цветочки глядеть!

То ли дело — вдвоем
Зимню ночь коротать,
Друга жаркой рукой
Ко груди прижимать,—

Поутру, на заре,
Обнимать-провожать,
Вечерком, у ворот,
Его вновь поджидать!

1 апреля 1840

Разлука

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую:
Был у ней в глазах небесный свет;
На лице горел любви огонь.

Что пред ней ты, утро майское,
Ты, дуброва-мать зеленая,
Степь-трава — парча шелковая,
Заря-вечер, ночь-волшебница!

Хороши вы — когда нет ее,
Когда с вами делишь грусть-тоску свою,
А при ней вас — хоть бы не было;
С ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, знать, бог велел — расстанемся,
Но когда-нибудь увидимся...»

Вмиг огнем лицо все вспыхнуло,
Белым снегом перекрылося,—
И, рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мне
Задушить грусть, печаль выплакать,
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух — слово замерло...

21 мая 1840

Русская песня

Не на радость, не на счастие,
Знать, с тобой мы, друг мой, встретились;
Знать, на горе горемышное
Так сжились мы, так слюбилися.

Жил один я, в одиночестве:
Холостая жизнь наскучила,
Полюбил тебя — безродную:
Полюбивши — весь измучился.

Где ты, время, где ты, времечко,
Как одно я только думывал:

Где бы, как с тобой увидеться,
Одним словом перемолвиться.

Тогда было — иду, еду ли,
Ты всегда со мной, с ума нейдешь,
На грудь полную ручкой белою
Ты во сне меня всю ночь зовешь...

А теперь другая думушка
Грызет сердце, крушит голову:
Как в чужом угле с тобой нам жить,
Как свою казну трудом нажить?

Но куда умом ни кинуся —
Мои мысли врозь расходятся,
Без следа вдали теряются,
Черной тучей покрываются...

Погубить себя? — не хочется!
Разойтиться? — нету волюшки!
Обмануть, своею бедностью
Красоту сгубить? — жаль до смерти!

Бобров
12 июня 1840

Перепутье

До чего ты, моя молодость,
Довела меня, домыкала,
Что уж шагу ступить некуда,
В свете белом стало тесно мне!

Что ж теперь с тобой, удалая,
Пригадаем мы, придумаем?

В чужих людях век домаять ли?
Сидя дома ли состариться?

По людям ходить, за море плыть —
Надо кровь опять горячую,
Надо силу, силу прежнюю,
Надо волю безотменную.

А у нас с тобой давно их нет;
Мы, гуляя,— все потратили,
Молодую жизнь, до времени,
Как попало — так и прожили!

Сидеть дома, ботеть, стариться,
С стариком отцом вновь ссориться,
Работать, с женой хозяйничать,
Ребятишкам сказки сказывать...

Хоть не так оно — не выгодно;
Но, положим,— делать нечего;
В непогоду — не до плаванья,
За большим в нужде не гонятся...

Но вот тут скажи, как придется
По душе спросить, по совести:
Кто пойдет за нас? где будем жить?
Где избыток мой зарыт лежит?

Куда глянешь — всюду наша степь;
На горах — леса, сады, дома;
На дне моря — груды золота;
Облака идут — наряд несут!..

Бобров
11 июля 1840

Русская песня

Дуют ветры,
Ветры буйные;
Ходят тучи,
Тучи темные.

Не видать в них
Света белого;
Не видать в них
Солнца красного.

Во сырой мгле,
За туманами,
Только ночка
Лишь чернеется...

В эту пору,
Непогожую,
Одному жить —
Сердцу холодно.

Грудь другую
Ему надобно:
Огонь-душу —
Красну девицу!

С ней зимою —
Лето теплое;
При бездолье —
Горе — нé горе!

14 августа 1840

Военная песня

Посвящена князю П. А. Вяземскому

Затрубили трубы бранные,
Собралася рать могучая,
Стала грудью против недруга —
За царя, за кров, за родину.

Ты прости теперь, отец и мать,
Ты прости теперь, мой милый друг,
Ты прости теперь, и степь и лес,
Дорогая жизнь, весь белый свет!

Гей, товарищ мой, железный штык!
Послужи ж ты мне по-старому:
Как служил ты при Суворове
Силачу-отцу, деду-воину.

Гей, сестра, ты сабля острая!
Попируем мы у недруга,
Погуляем, с ним потешимся,
Выпьем браги бусурманския!..

Уж когда мне, добру молодцу,
Присудил бог сложить голову,—
Не на землю ж я сложу ее!
А сложить-сложу — на груду тел...

Труба бранная, военная!
Что молчишь? Труби, дай волю мне:
В груди сердце богатырское
Закипело, расходилося!

22 августа 1840

Всякому свой талан

Как женился я, раскаялся;
Да уж поздно, делать нечего:
Обвенчавшись — не разженишься;
Наказал господь, так мучайся.

Хоть бы взял ее я силою,
Иль обманут был злой хитростью:
А то волей своей доброю,
Где задумал, там сосватался.

Было кроме много девушек,
И хороших и таланливых;
Да ни с чем взять — видишь, совестно
От своей родни — товарищей.

Вот и выбрал по их разуму,
По обычаю — как водится:
И с роднею, и с породою,
Именитую — почетную.

И живем с ней — только ссоримся
Да роднею похваляемся;
Да проживши все добро,
В долги стали неоплатные...

«Теперь придет время тесное:
Что нам делать, жена, надобно?» —
«Как, скажите, люди добрые,
Научу я мужа глупого?» —

«Ах, жена моя, боярыня!
Когда умной ты родилася,
Так зачем же мою голову
Ты сгубила, змея лютая?

Придет время, время грозное,
Кто поможет? куда денемся?» —
«Сам прожился мой безумный муж,
Да у бабы ума требуст».

28 августа 1840

Русская песня

Где вы, дни мои,
Дни весенние,
Ночи летние,
Благодатные?

Где ты, жизнь моя,
Радость милая!
Пылкой юности
Заря красная?

С какой гордостью
Я смотрел тогда
На туманную
Даль волшебную!

Там светился свет
Голубых очей;
Там мечтам моим
Конца не было!

Но среди весны,
В цвете юности,
Я сгубил твою
Душу чистую...

Без тебя, один,
Я с тоской гляжу,

Как ночная тьма
Покрывает день...

Москва
3 декабря 1840

Поэт
Дума

В душе человека
Возникают мысли,
Как в дали туманной
Небесные звезды...

Мир есть тайна бога,
Бог есть тайна жизни;
Целая природа —
В душе человека.

Проникнуты чувством,
Согреты любовью,
Из нее все силы
В образах выходят...

Властелин-художник
Создает картину —
Великую драму,
Историю царства.

В них дух вечной жизни,
Сам себя сознавши,
В видах бесконечных
Себя проявляет.

И живет столетья,
Ум наш поражая,

Над бездушной смертью
Вечно торжествуя.

Дивние созданья
Мысли всемогущей!
Весь мир, перед вами,
Со мной исчезает...

Москва
7 декабря 1840

Русская песня

Много есть у меня
Теремов, и садов,
И раздольных полей,
И дремучих лесов.

Много есть у меня
Деревень, и людей,
И знакомых бояр,
И надежных друзей.

Много есть у меня
Жемчугов, и мехов,
Драгоценных одежд,
Разноцветных ковров.

Много есть у меня
Для пиров — серебра,
Для бесед — красных слов,
Для веселья — вина!

Но я знаю, на что
Трав волшебных ищу;

Но я знаю, о чем
Сам с собою грущу...

Москва
8 декабря 1840

Расчет с жизнью

Посвящено В. Г. Белинскому

Жизнь! зачем ты собой
Обольщаешь меня?
Почти век я прожил,
Никого не любя.

В душе страсти огонь
Разгорался не раз,
Но в бесплодной тоске
Он сгорел и погас.

Моя юность цвела
Под туманом густым,—
И что ждало меня,
Я не видел за ним.

Только тешилась мной
Злая ведьма-судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба;

Только зимней порой
Меня холод знобил;
Только волос седой
Мои кудри развил;

Да румянец лица
Печаль рано сожгла,

Да морщины на нем
Ядом слез провела.

Жизнь! зачем же собой
Обольщаешь меня?
Если б силу бог дал —
Я разбил бы тебя!..

Москва
9 декабря 1840

Грусть девушки

Отчего, скажи,
Мой любимый серп,
Почернел ты весь,
Что коса моя?

Иль обрызган ты,
В скуке-горести,
По милу дружку
Слезой девичьей?

В широких степях
Дона тихого
Зелена трава
Давно скошена;

На селе косцы
Давно женятся;
Только нет его,
Ясна сокола!

Иль он бросил дом,
Разлюбил меня
И не придет уж
К своей девице?..

Ах, не птица там
Летит по небу:
То печальный слух
Об нем носится...

Не к добру ж тоска
Давит белу грудь,
Нет, не к радости
Плакать хочется.

Москва
10 декабря 1840

Ночь

Посвящена кн. В. Ф. Одоевскому

Не смотря в лицо,
Она пела мне,
Как ревнивый муж
Бил жену свою.

А в окно луна
Тихо свет лила,
Сладострастных снов
Была ночь полна!

Лишь зеленый сад
Под горой чернел;
Мрачный образ к нам
Из него глядел.

Улыбаясь, он
Зуб о зуб стучал;
Жгучей искрою
Его глаз сверкал.

Вот он к нам идет,
Словно дуб большой...
И тот призрак был —
Ее муж лихой...

По костям моим
Пробежал мороз;
Сам не знаю как,
К полу я прирос.

Но лишь только он
Рукой за дверь взял,
Я схватился с ним —
И он мертвый пал.

«Что ж ты, милая,
Вся, как лист, дрожишь?
С детским ужасом
На него глядишь?

Уж не будет он
Караулить нас;
Не придет теперь
В полуночный час!..» —

«Ах, не то, чтоб я...
Ум мешается...
Всё два мужа мне
Представляются:

На полу один
Весь в крови лежит,
А другой — смотри —
Вон в саду стоит!..»

Москва
11 декабря 1840

Поминки

Памяти Н. В. Станкевича

Под тенью роскошной
Кудрявых берез
Гуляют, пируют
Младые друзья!

Могучая сила
В душе их кипит;
На бледных ланитах
Румянец горит.

Их очи, как звезды
По небу, блестят;
Их думы — как тучи;
Их речи горят.

Давайте веселья!
Давайте печаль!
Давно их не манит
Волшебница даль!

И с мира и с время
Покровы сняты;
Загадочной жизни
Прожиты мечты.

Шумна их беседа,
Разумно идет;
Роскошная младость
Здоровьем цветет.

Но вот к ним приходит
Неведомый гость
И молча садится,
Как темная ночь.

Лицо его мрачно,
И взгляды — что яд.
И весь на нем странен
Печальный наряд.

И лучшему другу
Он руку пожал;
И глаз его черный
Огнем засверкал.

Вмиг юноша вздрогнул,
И очи закрыл,
И темные кудри
На грудь опустил.

Прозрачно, как мрамор,
Застыло лицо,—
Уснул он надолго!
Уснул глубоко!..

Под тенью роскошной
Кудрявых берез
Гуляют, пируют
Младые друзья!

Их так же, как прежде,
Беседа шумна;
Но часто невольно
Печаль в ней видна.

Москва
12 декабря 1840

Доля бедняка

У чужих людей
Горек белый хлеб,
Брага хмельная —
Неразборчива!

Речи вольные —
Все как связаны;
Чувства жаркие
Мрут без отзыва...

Из души ль порой
Радость вырвется —
Злой насмешкою
Вмиг отравится.

И бел-ясен день
Затуманится;
Грустью черною
Мир оденется.

И сидишь, глядишь,
Улыбаючись;
А в душе клянешь
Долю горькую!

Ворочеж
1 апреля 1841

Русская песня

Ты прости-прощай,
Сыр-дремучий бор,
С летней волею,
С зимней вьюгою!

Одному с тобой
Надоело жить,
Под дорогою
До зари ходить!

Поднимусь, пойду
В свою хижину,
На житье-бытье,
На домашнее.

Там возьму себе
Молоду жену;
И начну с ней жить —
Припеваючи...

25 апреля 1841

Русская песня

Не весна тогда
Жизнью веяла,
Не трава в полях
Зеленелася;

Не заря с небес
Красовалася,
Не луна на нас
Любовалася!

Нет! под холодом,
Под туманами
Ты в объятьях жгла —
Поцелуями!

Ночи темные,
Ночи бурные
Шли, как облачки,
Мимо солнышка.

Вьюги зимние,
Вьюги шумные
Напевали нам
Песни чудные;

Наводили сны,
Сны волшебные,
Уносили в край —
Заколдованный!

2 мая 1841

Звезда

Где б ни был я,— всегда,
До утренней зари, алмазная звезда
Против меня стоит
И в очи мне язвительно глядит...
При ней когда-то час разлуки был...
Но я давно ее и час тот позабыл!
Один лишь этот луч неотразим,—
И я никак не свыкнусь с ним!
Порою он приводит в умиленье,
Порой в восторг и исступленье,
Порою в горькую печаль...
И мне ее, погибшую, все жаль!

5 мая 1841

Русская песня

Расступитесь, леса темные;
Разойдитесь, реки быстрые;
Запылись ты, путь-дороженька;
Дай мне вестку, моя пташечка!

Я рекой пойду по бережку,
Полечу горой за облаком,
На край света, на край белого —
Искать стану друга милого...

Я найду его, где б ни был он,
Я скажу ему: «Стыдно, совестно
Бросить дом свой, отца старого,
Да бог весть куда завихриться».

Как завьет он кудри черные,
Как наденет кафтан бархатный,
Подпояшет кушак шелковый,
Поцелует, скажет ласково:

«Нет, душа моя, ошиблась ты,
Я не в поле вихрем веялся:
По людям ходил, деньгу копил,
За морями счастье пробовал.

Моя доля здесь счастливая:
Я нажил тебе два терема,
Лисиц, шелку, много золота,—
Станет век прожить боярами».

Ах вы, душеньки-подруженьки!
Не от горя плачу — с радости;
На душе она огнем горит,
А нет силы, слов души открыть!..

10 мая 1841

Старая песня

Из лесов дремучих, северных
Поднялась не тучка темная,
А рать сильная — могучая,
Царя грозного, московского.

Словно птица быстролетная
Пролетела море синее —
Перешла так сила русская
Степь пустую, непроходную.

И пришла она, незваная,
К царству славному, Казанскому,
К бусурману — хану лютому,
К своему недругу заклятому.

И куда еще — спит зорюшка,
А уж бьется Русь с татарином,
Стены крепкие разрушила —
И пошла гулять по городу;

Воеводы — рати храбрые
Ездят, бьют татар по улицам;
А на башне, с русским знаменем,
Юный царь стоит — как солнышко!

17 октября 1841

Жизнь

Дума

Умом легко нам свет обнять;
В нем мыслью вольной мы летаем;
Что не дано нам понимать —
Мы все как будто понимаем.

И резко судим обо всем,
С веков покрова не снимая;
Дошло,— что людям нипочем
Сказать: вот тайна мировая!

Как свет стоит, до этих пор,
Всего мы много пережили;
Страстей мы видели напор;
За царством царство схоронили.

Живя, проникли глубоко
В тайник природы чудотворной:
Одни познанья взяли мы легко,
Другие — силою упорной...

Но все ж успех наш невелик.
Что до преданий? — мы не знаем.
Вперед что будет — кто проник?
Что мы теперь? — не разгадаем.

Один лишь опыт говорит,
Что прежде нас здесь люди жили,—
И мы живем,— и будут жить.
Вот каковы все наши были!..

18 октября 1841

Из Горация

Дума

П. А. Вяземскому

Не время ль нам оставить
Про небеса мечтать,
Земную жизнь бесславить,
Что есть иль нет — желать?

Легко, конечно, строить
Воздушные миры,
И уверять, и спорить:
Как в них-то важны мы!

Но от души ль порою
В нас чувство говорит,
Что жизнию земною
Нет нужды дорожить?..

Всему конец — могила;
За далью — мрак густой;
Ни вести, ни отзыва
На вопль наш роковой!

А тут дары земные,
Дыхание цветов,
Дни, ночи золотые,
Разгульный шум лесов.

И сердца жизнь живая,
И чувства огнь святой;
И дева молодая
Блистает красотой!

18 декабря 1841

Русская песня

Я любила его
Жарче дня и огня,
Как другим не любить
Никогда, никогда!

Только с ним лишь одним
Я на свете жила;

Ему душу мою,
Ему жизнь отдала!

Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!
И, бледна, холодна,
Замираю, дрожу!

Вот он йдет, поет:
«Где ты, зорька моя?»
Вот он руку берет,
Вот целует меня!

«Милый друг, погаси
Поцелуи твои!
И без них, при тебе,
Огнь пылает в крови;

И без них, при тебе,
Жжет румянец лицо,
И волнуется грудь,
И кипит горячо!

И блистают глаза,
Лучезарной звездой!»
Я жила для него,
Я любила душой!

20 декабря 1841

На новый 1842-й год

Прожитый год, тебя я встретил шумно
В кругу знакомых и друзей;
Широко, вольно и безумно,
При звуках бешеных речей.

Тогда, забывшись на мгновенье,
Вперед всяк дерзостно глядел,
Своих страстей невольное стремленье
Истолковать пророчески хотел.

В ком сила есть на радость, на страданье,
В том дух огнем восторженным горит,
Тот о своем загадочном призваньи
Свободно, смело говорит.

Так, до зари, беседа наша
Была торжественно-шумна!
Веселья круговая чаша
Всю ночь неисчерпаема была!

Но год прошел: одним звездою ясной,
Другим он молоньей мелькнул;
Меня ж год, встреченный прекрасно,—
Как друг, как демон, обманул!

Он за таинственным покровом,
Мученья горькие скрывал;
И, в этом свете бестолковом,
Меня вполне рок грозный испытал.

Тяжелый год, тебя уж нет, а я еще живу,
И новый, тихо, без друзей, один встречаю,
Один в его заманчивую тьму
Свои я взоры потопляю...

Что в ней таится для меня?
Ужели новые страданья?
Ужель, безвременно, из мира выйду я,
Не совершив и задушевного желанья?

1 января 1842, полночь

Песня

Что он ходит за мной,
Всюду ищет меня
И, встречаясь, глядит
Так лукаво всегда?

Что смешного во мне —
Я понять не могу;
И за мною ходить —
Кто дал право ему?

Помню, как-то давно
У знакомых был бал.
Как безумный, всю ночь
Он со мной танцевал!

Слова нет — он хорош:
Брови, нос и лицо,

Но глаза — за глаза —
Ненавижу его!

Голубые они...
И как жарко горят!
Будто яда полны,
Будто съесть вас хотят!..

Нет, отстаньте, прошу,
Не следите меня;
Ваших дьявольских глаз
Я боюсь, как огня!..

8 февраля 1842

Песня

Нынче ночью к себе
В гости друга я жду.
«Без знакомых, один,—
Сказал,— радость, приду.

Месяц будь иль не будь —
Конь дорогу найдет;
Сам лукавый впотьмах
С ней его не собьет.

И до ночи метель
Снегом путь весь закрой:
Без дороги — чутьем
Сыщет домик он твой!»

Нынче ночью к себе
В гости друга я жду;
Он, прощаясь, сказал:
«Хоть умру, а приду.

Что замок и отец,
Караул, ворота?
Воеводская дверь
Мне всегда расперта

Не любивши тебя,
В селах слыл молодцом;
А с тобою, мой друг,
Города нипочем!»

5 марта 1842

Примечания

Ровеснику (с. 11). Белинский предполагал, что стихотворение «Ровеснику» обращено к другу детства Кольцова, сыну купца, Варгину, но это маловероятно, так как Варгин умер в 1824 г. Добролюбов считал, что «все это стихотворение, как один из первых опытов Кольцова, еще очень слабо; но в нем все-таки заметно искреннее чувство, видны чистота и благородство стремлений, которые он питал в своей душе с самого раннего детства и без которых не мог бы быть столь замечательным поэтом».

Песня. «Если встречусь с тобой...» (с. 12). Положена на музыку М. Глинкой, А. Даргомыжским, А. Рубинштейном и другими композиторами. По свидетельству Белинского, стихотворение посвящено крепостной девушке Дуняше, глубоко любимой поэтом и проданной его отцом в 1828 г. «Эта любовь,— писал Белинский,— и в ее счастливую пору и в годину ее несчастия, сильно подействовала на развитие поэтического таланта Кольцова. Он как будто вдруг почувствовал себя уже не стихотворцем, одолеваемым охотою слагать размеренные строчки с рифмами, без всякого содержания, но поэтом, стих которого сделался отзывом на призывы жизни, грудь которого носила в себе богатое содержание для поэтических излияний».

Путник (с. 13). Первоначально озаглавлено «Приветный огонек». Белинский находил, что это стихотворение Кольцова отзывается «впечатлениями, которыми подарила его степь». По словам критика, Кольцов «любил вечерний огонь, на котором варилась степная каша; любил ночлеги под чистым небом, на зеленой траве; любил иногда целые дни не слезать с коня, перегоняя стада с одного места на другое».

Прекрасной поселянке (с. 16). Подражание

стихотворению Пушкина «Буря» («Ты видел деву на скале...»). Стихотворение проникнуто живым и глубоко волнующим личным чувством автора. Уже сама мысль воспеть русскую крепостную крестьянку как носительницу красоты в высшей степени примечательна.

Ночлег чумаков (с. 18). Стихотворение написано под влиянием конкретного случая. В стихотворении отражена любовь поэта к народному поэтическому творчеству. Вместе с тем в «Ночлеге чумаков» чувствуется влияние Пушкина. Интонация, ритмика, ямбический размер идут от пушкинской поэмы «Цыганы».

Я был у ней (с. 20). На музыку положено С. Рахманиновым.

Ответ на вопрос о моей жизни (с. 22). Ранний образец философской лирики, получившей дальнейшее развитие в думах А. В. Кольцова.

Песня. «Очи, очи голубые...» (с. 24). Положена на музыку Д. Кладищевым, П. Романусом. Белинский считал, что такие стихотворения, как «Очи, очи голубые...», составляют переход от «подражательных опытов Кольцова к его настоящему роду — русской песне».

Терем (с. 26). Стихотворение положено на музыку Ельховским.

Люди добрые, скажите (с. 27). Положено на музыку К. Бажоновским. Белинский считал это стихотворение одним из лучших в раннем периоде творчества Кольцова.

«По-над Доном сад цветет...» (с. 27). Положено на музыку М. Мусоргским и другими композиторами. Имеются фольклорные переделки.

Повесть моей любви (с. 32). Это раннее произведение А. В. Кольцова было напечатано только через четверть века после смерти поэта в журнале «Отечественные записки» (1867, № 2). Примечателен автобиографический характер «Повести». *Гребовать* — гнушаться.

Письмо к Д. А. Кашкину (с. 34). *Кашкин*

Дмитрий Антонович (1793—1862) — воронежский книготорговец, собиратель и хранитель редких книг и рукописей.

Сестре (с. 35). Посвящено сестре поэта Анне Васильевне, по мужу Золотаревой. Белинский относил это стихотворение к первым опытам Кольцова, в которых, по словам критика, «Кольцов был подражателем поэтов, наиболее ему нравившихся».

«Пишу не для мгновенной славы...» (с. 36). Предпослано поэтом в качестве эпиграфа к одной из его рукописных тетрадей. Интересно отметить, что это стихотворение цитирует Т. Г. Шевченко в своем «Дневнике»: «Если бы я свой журнал готовил для печати,— писал он,— то, чего доброго, пожалуй, и искусил бы лукавый враг истины, но я, как сказал поэт наш, «Пишу не для мгновенной славы...».

А. П. Сребрянскому (с. 36). *Андрей Порфирьевич Сребрянский* (1810—1838) — земляк А. В. Кольцова, студент Московской медико-хирургической академии, автор известной песни «Быстры, как волны, дни нашей жизни». В. Г. Белинский писал: «В его натуре и самой судьбе было много общего с Кольцовым, и их знакомство скоро перешло в дружбу. Дружеские беседы с Сребрянским были для Кольцова истинною школою развития во всех отношениях, особенно в эстетическом. Для своих поэтических опытов Кольцов нашел себе в Сребрянском судью строгого, беспристрастного, со вкусом и тактом, знающего дело».

«О, не кажи улыбки страстной!..» (с. 39). Положено на музыку А. Шефером.

К N... (с. 42). Обращено к воронежской знакомой поэта Елизавете Григорьевне Огарковой.

Совет старца (с. 44). В стихотворении сказалось влияние ранних произведений Пушкина. (Сравните со стихотворением Пушкина «Добрый совет».)

Земное счастье (с. 46). В стихотворении чувст-

вуется влияние Рылеева. Сравните со строками из рылеевской думы «Волынский»:

Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья!.. и т. д.

Первая любовь (с. 47). Посвящено любимой Кольцовым крепостной девушке Дуняше. *Найтить* (вместо найти) — редкое в творчестве Кольцова отклонение от норм литературного языка.

Крестьянская пирушка (с. 51). Стихотворение положено на музыку М. Мусоргским, Н. Римским-Корсаковым и другими композиторами.

Белинский считал «Крестьянскую пирушку» одним из лучших в сборнике стихотворений Кольцова (1835). «В «Пирушке русских поселян», «Размышлении поселянина» и «Песне пахаря»,— писал он,— выражается поэзия жизни наших простолюдинов. Вот этакую *народность* мы высоко ценим».

Песня старика (с. 53). Песня. Положена на музыку многими композиторами, в том числе М. Мусоргским. Стихотворение отображено в лубочных листах.

К реке Гайдари (с. 56). *Гайдарь* — небольшая речка в бывш. Воронежской губ.

Соловей (с. 58). Положено на музыку А. Гурилевым, Н. Римским-Корсаковым, А. Рубинштейном, А. Глазуновым и другими композиторами. Подражание стихотворению Пушкина «Соловей и роза».

Стихотворение «Соловей» причислено В. Стасовым к «поразительным по красоте и поэтичности» романсам.

Песня пахаря (с. 58). Положена на музыку Н. Бороздиным и другими композиторами. Стихотворение получило широкое распространение среди крестьян. Оно вошло во все школьные хрестоматии. «Песню пахаря» высоко ценил и Добролюбов, и Салтыков-Щедрин.

Размышление поселянина (с. 64). Отмечая

тяготение Кольцова к русским песням, Белинский писал, что Кольцову «еще с 1830 года удавалось уже иногда выражать в русской песне всю оригинальность своего таланта, и пьесам: «Кольцо», «Удалец», «Крестьянская пирушка», «Размышление поселянина» (1830—1832) недостает только зрелости мысли, чтоб быть образцовыми в своем роде произведениями».

Удалец (с. 66). Стихотворение положено на музыку М. Балакиревым, Эрарским.

Великая тайна. Дума (с. 68). В. Г. Белинский назвал Кольцова создателем особого и оригинального рода стихотворений — «дум», написанных чисто русским, народным языком, а «Великую тайну» считал прекрасным поэтическим произведением. Кольцовские думы, по убеждению критика, не только «факты внутренней жизни» поэта; они представляют собой «первую высшую ступень простого русского человека в стремлении к нравственно-идеальному развитию» и «были бы очень полезны для избранных натур в простом народе». Дума печатается в сокращении.

Не шуми ты, рожь (с. 69). Посвящено умершей невесте Кольцова Дуняше. Положено на музыку А. Гурилевым и другими композиторами.

Урожай (с. 70). Положено на музыку В. Ребиковым и другими композиторами. Стихотворение было высоко оценено Белинским, Добролюбовым, Салтыковым-Щедриным и Глебом Успенским. По словам Гл. Успенского, в стихотворении «Урожай» «и природа и миросозерцание человека, стоящего с ней лицом к лицу, до поразительной прелести неразрывно слиты в одно поэтическое целое».

Глаза. Русская песня (с. 74). Положена на музыку А. Варламовым, А. Дюбюком, А. Рахманиновым и другими композиторами.

Женитьба Павла (с. 77). Положена на музыку А. Дюбюком.

Косарь (с. 78). Положено на музыку А. Гурилевым, Мещериновым. Белинский причислял «Косаря» к таким стихотворениям, которые «громко говорят сами за себя...». И кто бы, по словам великого критика, «не увидал в них огромного таланта, с тем нечего и слов тратить: с слепыми о цветах не рассуждают».

Умолкший поэт. Дума (с. 83). Пять вариантов стихотворения отличаются незначительным разночтением. Тема судьбы поэта получает развитие и в письме к А. Краевскому от 13 марта 1837 г., написанном в связи со смертью Пушкина.

Могила. Дума (с. 88). «Многие пьесы Кольцова,— писал Белинский,— отзываются впечатлениями, которыми подарила его степь». К числу таких стихотворений поэта критик относил думу «Могила».

Цветок (с. 89). Положено на музыку А. Дюбюком.

Перстень (с. 90). Положено на музыку А. Варламовым, А. Рубинштейном, Н. Соколовским и другими композиторами.

Горькая доля. «Соловьем залетным...» (с. 92). Положено на музыку А. Варламовым, А. Дюбюком, В. Соколовым. Белинский причислял это стихотворение к лучшим произведениям Кольцова. Песня «Горькая доля» («Соловьем залетным...») включена в репертуар известного хора А. Свешникова и Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии имени Александрова.

Пора любви (с. 100). Из Воронежа А. В. Кольцов писал В. Г. Белинскому: «А степь опять очаровала меня; я черт знает до какого забвения любовался ею. Как она хороша показалась! И я с восторгом пел: «Пора любви»...»

Лес (с. 103). Прибегая к иносказанию, А. В. Кольцов говорит о величии пушкинского гения и «силами вражьими» называет участников придворного заговора — убийц поэта.

Измена суженой. Русская песня (с. 109). Положена на музыку А. Варламовым, А. Гурилевым, А. Дюбюком, В. Соколовым, К. Божановским. Белинский высоко оценил это произведение. По словам критика, «где идет дело о горе и отчаянии русского человека, там поэзия Кольцова доходит до высокого, там обнаруживает она страшную силу выражения, поразительное могущество образов... И какая вместе с тем сила духа и воли в самом отчаянии».

Последний поцелуй. «Обойми, поцелуй...» (с. 112). Положено на музыку М. Балакиревым и другими композиторами. Белинский относил это произведение к числу лучших песен Кольцова. По отзывам композитора Ц. Кюи, этот романс представляет совершеннейший образец слияния музыки с текстом в одно гармоническое целое и вместе с тем образец «гибкости и разнообразия романсных форм — от закругленных строк... до непрерывно льющейся музыки без всяких повторений». Стихотворение «Последний поцелуй» было одним из любимых стихотворений Н. Г. Чернышевского.

Мир музыки (с. 17). Положено на музыку А. Евгеньевым, В. Соколовым, Д. Корниловым. Стихотворение написано под впечатлением музыкального вечера у Боткина. В письме к Белинскому от 15 августа 1840 г. Кольцов писал: «Я до этих пор помню Лангера и тот вечер, и никогда его не забуду».

Русская песня. «В поле ветер веет...» (с. 118). Музыка А. Варламова, А. Астафьева, В. Соколова, Н. Соколовского и др. Одна из популярных песен Кольцова.

Последняя борьба (с. 119). Стихотворение вошло в песенники XIX в. В письме к Белинскому от 28 сентября 1839 г. Кольцов писал: «Последняя борьба», может, пахнет Пушкиным,— не спорю; но в ней своя форма, свои следствия битвы».

Стенька Разин. Памяти друга А. П. Сребрян-

ского (с. 120). Положено на музыку многими композиторами, в том числе М. Балакиревым. Посвящено памяти друга — *А. П. Сребрянского*, умершего в 1838 г.

Песня. «В непогоду ветер...» (с. 127). Положена на музыку А. Варламовым и другими композиторами.

Хуторок. Русская баллада (с. 129). Положена на музыку Е. Климовским, А. Дюбюком. Одно из самых популярных в XIX в. песенных произведений Кольцова. Кольцовский «Хуторок» по своей распространенности может быть поставлен в один ряд с «Узником» Пушкина, «Коробейниками» Некрасова и другими наиболее популярными произведениями. Белинский высоко оценил «Хуторок» Кольцова. В письме к В. П. Боткину 3 февраля 1840 г. он писал о Кольцове: «Богатырь да и только. Каков его «Хуторок»!» В своей статье «О жизни и сочинениях Кольцова» великий критик относил «Хуторок» к числу замечательнейших произведений русской поэзии.

К ***. «Ты в путь иной отправилась одна...» (с. 132). Стихотворение относится к В. Г. Лебедевой — предмету страстной любви Кольцова. Поэтизируя ее, Белинский в статье «О жизни и сочинениях Кольцова» (1846) писал: «Страстною любовью озарился восход его жизни; пышным, багряным, но зловещим блеском страстной любви озарился и закат его жизни. Закрыв глаза на все, полною чашею, с безумной жадностью, пил наш страдалец отравительные восторги. На беду его, эта женщина была совершенно по нем — красавица, умна, образованна, и ее организация вполне соответствовала его кипучей, огненной натуре. Нужда заставила ее расстаться с ним».

Лес. «О чем шумит сосновый лес?». Дума (с. 137). Положено на музыку А. Дерфельдом, М. Ивановым, В. Сокольским.

Послание. В. Г. Белинскому (с. 139). Написано под явным влиянием «Литературных мечтаний» Белинского, в которых критик решительно требовал от людей

борьбы «для блага ближнего, родины, для пользы человечества».

Дума сокола. В. П. Боткину (с. 141). *Василий Петрович Боткин* (1810—1869) — литературный критик и искусствовед либерального направления, один из постоянных участников кружка Н. В. Станкевича. Сын богатого чаеторговца, Боткин хорошо понимал заботы и нужды Кольцова, находившегося в материальной зависимости от своего отца-прасола, и оказывал молодому поэту всяческую поддержку. О значении этой дружбы в жизни Кольцова убедительно говорит его последнее письмо из Воронежа, адресованное Белинскому и Боткину: «Теперь к вам, Василий Петрович! Я писал к вам письмо большое, подробное, все, что было со мной и есть. В нем я вам писал все, что у меня за душою было и жило долго: про мои намерения, и про мои опасения, и про себя самого. Такое письмо я только и мог написать вам или Виссариону Григорьевичу, никому больше на свете... Ваше письмо благодатью повеяло на меня, в нем столько любви, участия, внимания, теплоты, души, искренности: читая его, так и рвешься к вам душою, милые мои, да крыльев нет».

Русская песня. «Не скажу никому...» (с. 143). Это произведение, положенное на музыку А. Даргомыжским и другими композиторами, получило широкую известность. По отзыву Ц. Кюи, лучшие лирические романсы Даргомыжского те, в которых сказывается глубокое чувство, неисцелимая, часто затаенная скорбь, как, например, «Не скажу никому...».

Разлука (с. 145). Музыка А. Гурилева.

Перепутье (с. 147). Положено на музыку М. Бегичевым.

Русская песня. «Дуют ветры...» (с. 149). Музыка К. Вильбоа, А. Гречанинова и других композиторов.

Военная песня. Посвящена кн. П. А. Вяземско-

му (с. 150). В этой единственной в творчестве Кольцова военной песне воспеваются, как и во многих других его произведениях, твердость, стойкость и сила русского народа. *Петр Андреевич Вяземский* (1792—1878) — поэт и критик, близкий друг Пушкина.

Русская песня. «Где вы, дни мои...» (с. 152). Положена на музыку П. Архангельским, Н. Барановичем, Л. Малашкиным, В. Соколовым и другими композиторами.

Поэт. Дума (с. 153). В ранней редакции: «Шекспир. Дума».

Расчет с жизнью. Посвящено В. Г. Белинскому (с. 155). Положено на музыку Ржевским и другими композиторами. В письме к Белинскому Кольцов писал: «Жалобу» я посвятил вам потому, что в ней много сказано от души и про вас и про меня. В этой стороне нашего жития у меня с вами много схожего». И в другом письме к Белинскому: «Жалоба», «Песнь» и «Грусть девушки» вам нравятся, и я этим чертовски доволен: получил ваше письмо, прочел, и подо мной земля загорелась».

Грусть девушки (с. 156). Известны музыкальные переложения многих отечественных композиторов, в том числе А. Гурилева; на Западе музыка написана близким другом И. С. Тургенева, замечательной французской певицей Полиной Виардо-Гарсиа, которая бывала в России и занималась изучением русского языка.

Поминки. Памяти Н. В. Станкевича (с. 159). Музыка А. Богдай. Посвящая это стихотворение Н. В. Станкевичу, Кольцов писал Белинскому в декабре 1840 г., что «...о Станкевиче, конечно, надо бы говорить больше, но я этого сделать не сумел. По крайней мере я сделал, что мог, и сказал, как сумел; другие пусть скажут лучше. Но у меня спала тяжесть с души, а то все укоряла меня его безвременная смерть. И эта прекрасная, чистая душа как будто говорила мне все на ухо: «схоронили — позабыли». *Николай Владимирович Станкевич* (1813—

1840) — поэт и философ. Осуждал крепостное право. Возглавлял московский философско-литературный кружок в 30-х гг. XIX в. Раннюю смерть Станкевича Кольцов воспринял с чувством большого горя.

З в е з д а (с. 163). Новый отблеск юношеской любви, говорящий о том, что Кольцов до последних дней ничего не знал о подлинной судьбе Дуняши, которая на самом-то деле была жива и после смерти поэта приезжала в Воронеж к его сестре. Проданная помещику-степняку, девушка долгие годы жила в неволе.

С т а р а я   п е с н я. «Из лесов дремучих северных...» (с. 166). В стихотворении говорится о походе Ивана IV — Грозного — на Казань. «Русскую силу» поэт не случайно сравнивает с «птицей быстролетной»: стопятидесятитысячное войско совершило переход из Подмосковья к берегам Средней Волги с незаурядной по тем временам скоростью — 30 верст в день. После искусной осады под личным руководством молодого царя Ивана IV Казань была взята штурмом 2 октября 1552 г. На музыку песня положена А. Рубинштейном.

Ж и з н ь. Дума (с. 166). Заглавие в рукописи — «Жизнь». Дума. Посвящаю князю Вяземскому».— *Петр Андреевич Вяземский* (1792—1878) — поэт, критик, участник Бородинского сражения 1812 г., друг А. С. Пушкина, принадлежал к потомственной русской знати. Принося благодарность Вяземскому за деятельное участие в судебной тяжбе, связанной с торговыми делами Кольцовых, Алексей Васильевич завершает письмо словами: «Если что-нибудь дурно написал, простите, ваше сиятельство: впервой сроду пишу к князю».

И з   Г о р а ц и я. «Не время ль нам оставить...». Дума (с. 167). Белинский положительно отзывался об этой думе: «Мистическое направление Кольцова, обнаруженное им в думах, не могло бы,— утверждал великий критик,— у него долго продолжаться, если б он остался жив. Этот простой, ясный и смелый ум не мог бы долго

плавать в туманах неопределенных представлений. Доказательством этому служит его превосходная дума «Не время ль нам оставить...», написанная им менее нежели за год до смерти. В ней виден решительный выход из туманов мистицизма и крутой поворот к простым созерцаниям здравого рассудка».

Русская песня. «Я любила его...» (с. 168). Положена на музыку М. Балакиревым, А. Варламовым и другими композиторами.

На новый 1842-й год (с. 170). Одно из последних стихотворений Кольцова, которое, по словам Белинского, «имеет свой интерес, как скорбное предчувствие поэта — увы! — слишком верно сбывшееся...».

Песня. «Что он ходит за мной...» (с. 171). Положена на музыку В. Золотаревым, А. Дюбюком, Н. Самсоновым. Широко распространенная песня, вошла во многие песенники XIX и начала XX вв.

Песня. «Нынче ночью к себе...» (с. 172). Положена на музыку Л. Петровым, В. Соколовым. Белинский считал это стихотворение одним из слабых, написанных Кольцовым «уже незадолго до смерти, во время тяжкой болезни, в мучительных обстоятельствах».

Содержание

Кольцов А. В.

К62 Стихотворения. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1981.— 192 с. с ил.

В сборник вошли стихи, песни и думы выдающегося русского поэта Алексея Васильевича Кольцова (1809—1842), созданные им в течение пятнадцати лет его литературной деятельности.

Книга издается в серии «Родники поэзии» для юношества.

К $\frac{70401-084}{М158(03)-81}$ Р1

Алексей Васильевич
Кольцов

Стихотворения

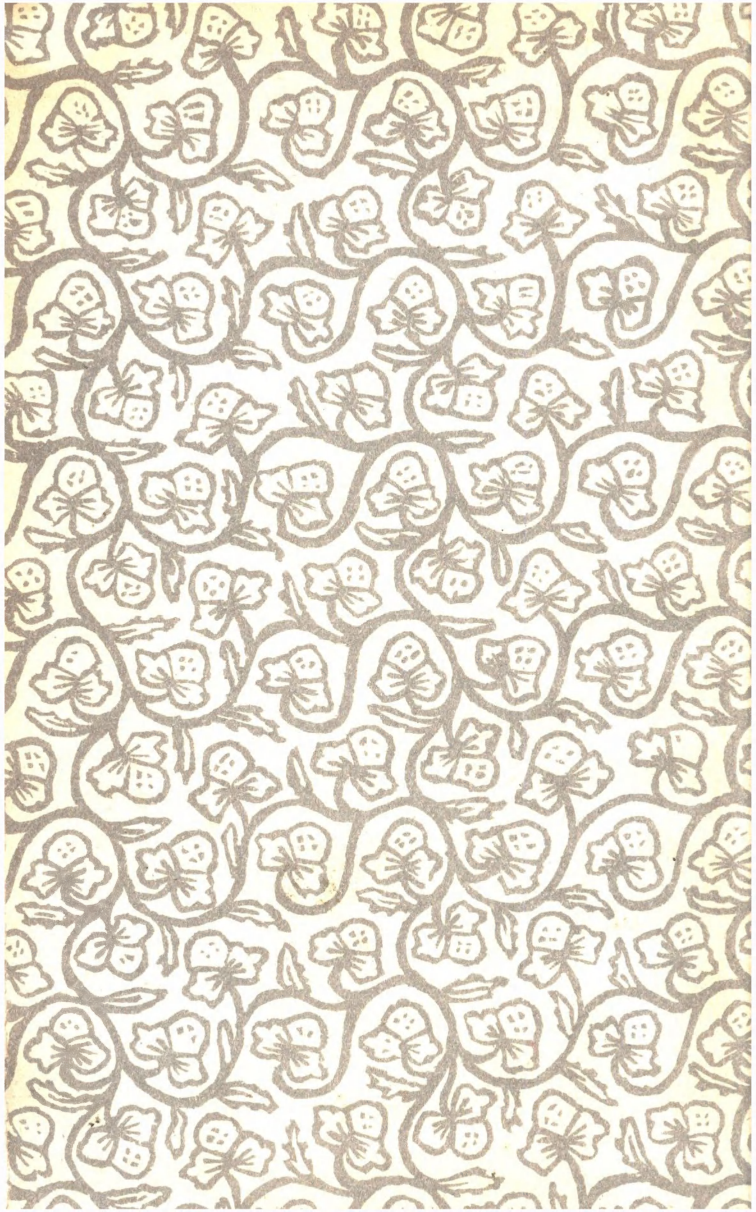
Редактор Н. И. Трубникова
Художник В. Д. Сысков
Художественный редактор
А. В. Вохмин
Технические редакторы
Л. М. Голобокова
Т. В. Меньщикова
Корректор Е. В. Иванова

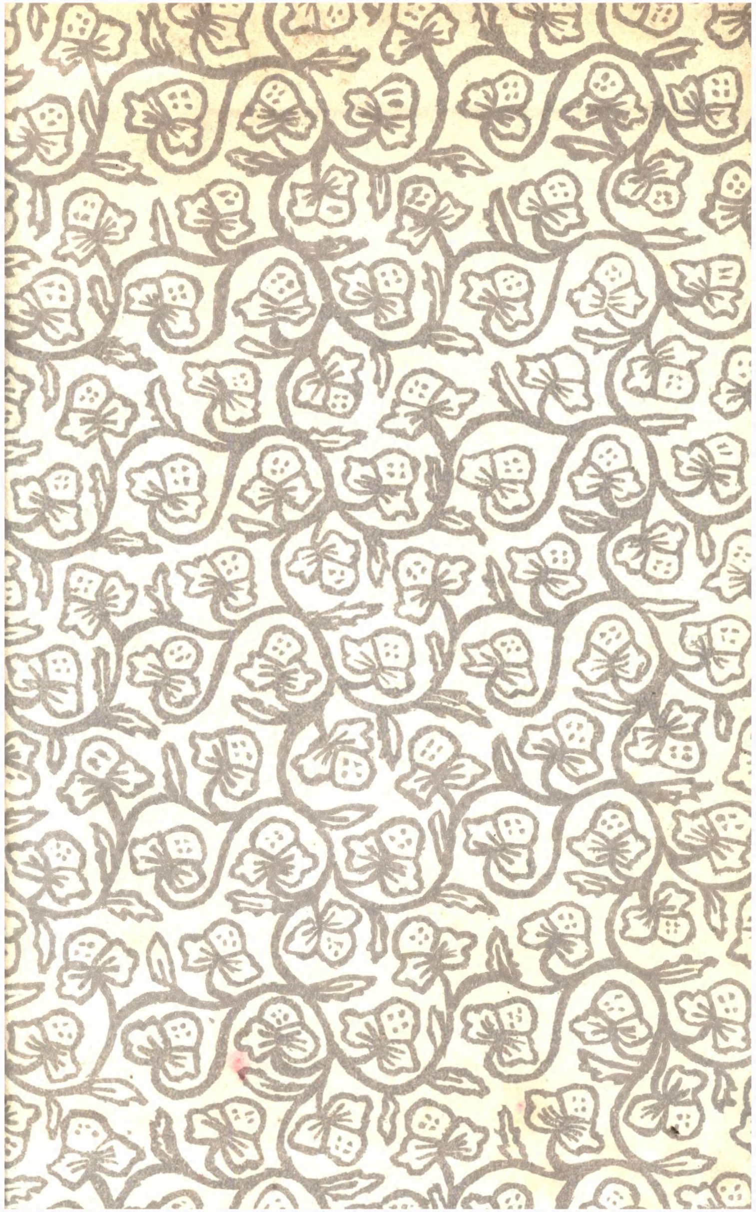
ИБ № 816

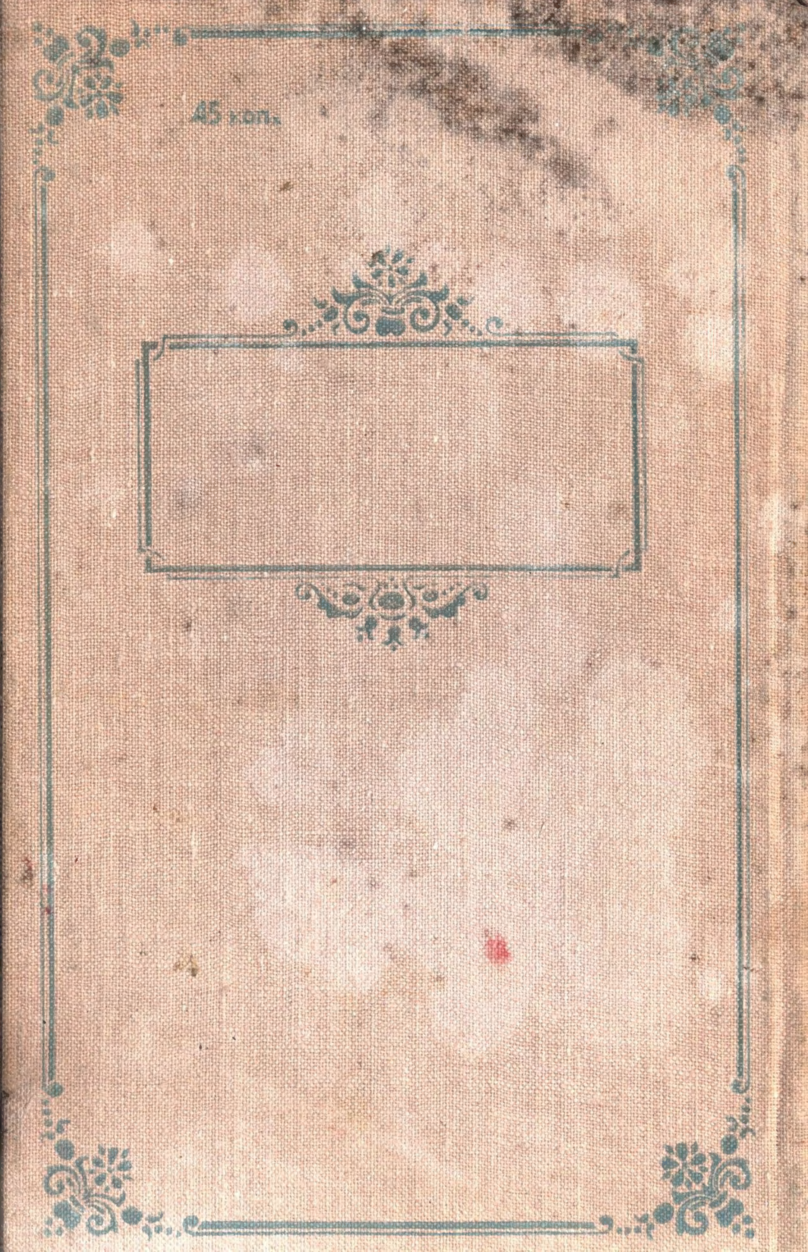
Сдано в набор 24.11.80. Подписано в печать 7.04.81. НС 12073. Формат бумаги 70×90 1/32. Типографская № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 7,6. Тираж 100 000. Заказ 605. Цена 45 коп. Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

В ближайшие годы
в Средне-Уральском
книжном издательстве
будут выпущены сборники
произведений русских поэтов XIX века:

В. А. Жуковского, А. К. Толстого,
поэтов-декабристов,
А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова,
Н. А. Некрасова.

45 коп.

КОЛЬЦОВ